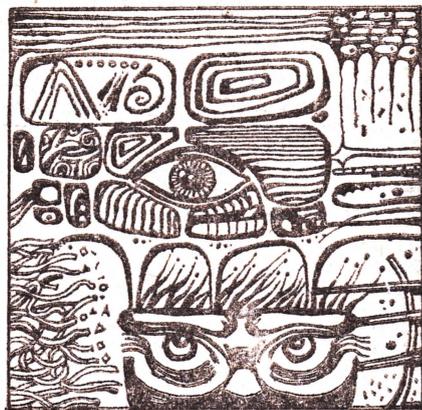

ВЫПУСК
10

Шиф

приключения фантастика

Библиотечка «Уральского следопыта»

ДИКАРЬ

Леонид РЕЗНИК

Художник Д. ЛЕВЕДИХИН

ПОЯВИСЬ в продаже лекарство от скуки, я был бы среди первых покупателей. Действительно, сколько себя помню, мне непрерывно приходилось бороться с хандрой, и, сколько помню, она меня все время одолевала. Одни относят это на счет моей занудливой правильности, другие, наоборот, крутят пальцем у виска. Вот и докопайся до истины. А ведь 28 лет — возраст, когда скучать просто неприлично. И я добросовестно пытался занять себя чем-нибудь. В школе собирал приемники. В армии увлекся самбо, в институте — филологотством. Довольно сносно овладел английским, испанским, замаяхнул на французский. И, работая на заводе, не оставил филологическое хобби. Такая вот образцово-показательная биография. Конечно, праздники... девушки... Вроде все как у людей. Но скука не проходила.

Последним моим изобретением были поздние вечерние прогулки. Людская молва изображает темные безлюдные улицы местом не очень-то безопасным. По-моему, зря. Никто не нуждался в моей помощи, лауры спасителя прекрасной принцессы мне явно не угрожали. Погуляв так недельки две, я подумывал уже переключиться на бег трусцой. Увлечательность та же, а для здоровья полезней.

Совершая свой 13-й рейс, я уныло думал, что уже сегодня-то можно было спокойно остаться дома. Лил медкий дождь, если точнее, не лил, а висел в воздухе водяной пылью. Лужи попадались в самых неожиданных местах. Миссия добровольной помощи дружинникам теряла смысл. Какому дураку, кроме меня, придет в голову гулять в такую погоду?

Неожиданно я увидел очень подозрительную картину: двое мужчин, каждый ростом повыше меня, тащили третьего. Похоже было, что он отчаянно сопротивлялся, но явное неравенство сил не оставляло ему никаких шансов.

Крупными шагами, почти невидимый в темноте, я подошел к дерущимся. В лучших традициях приключенческих фильмов рубанул одного из нападавших ребром ладони по шее. Он отключился сразу же. Второго, изумленно повернувшегося ко мне, опрокинул на землю ударом в челюсть.

Спасенный оказался невысоким мужчиной среднего возраста. Не произнес ни слова благодарности, он внимательно изучил мое лицо. Потом, с молниеносностью олимпийского чемпиона, нанес сильнейший удар в солнечное сплетение. После такого удара меня можно было брать голым

ХУДОЖНИК САДЬКОВ Р.Г.

ОДИССЕЯ КАПИТАНА ПОЛИЦИИ

КАПИТАН СЕРГЕЙ ШАРОВ
НА ЗВЕЗДОЛЕТЕ «УРАН»
ПАТРУЛИРОВАЛ СЕКТОР N
В ЦЕНТРЕ ГАЛАКТИКИ.

ми руками. Что незнакомец и сделал, не мешкая. Вторым ударом он послал меня в нокаут.

ИЗ ПОДСОЗНАНИЯ выплывали мысли о каких-то декорациях. Уж очень необычной была обстановка. Я лежал на роскошной, не менее четырех метров шириной, кровати. Украшенное резьбой ложе достойно лучших кадров из фильма об альковной жизни коронованных особ. В том же духе и остальная мебель, сама комната с высоким потолком и узкими длинными окнами.

Я встал, засунул ноги в туфли, стоящие возле кровати, и прошлепал. Догадаться, что это не декорации, было просто. Ощущение обжитости витало в воздухе. Всеми находящимися в комнате вещами пользовались. Где же я? И кто может жить в подобных апартаментах? Климат, судя по растительности, умеренный. На горизонте горы... На самолете меня вели, что ли? Урал? Карпаты? Замок, видимый из окна, больше похож на западноевропейский.

Выходит, Карпаты. Ну не в Альпы же меня переправили! Чувствовал я себя неплохо, боли практически не было. А что касается странной обстановки, то кто, как не я, тщательно мечтал о приключениях?

Словно получив мысленное разрешение, сквозь бесшумно открывающуюся дверь, в комнату вошел мой давешний знакомый. Миротлюбивым жестом он поднял обе руки.

— Только не надо сердиться на меня за неблагодарность, — сказал он с довольно сильным акцентом. — Обстоятельства вынуждали меня поступить именно так. Но я постараюсь компенсировать перенесенные вами неудобства.

Акцент странный, ни на что не похожий. Пожалуй, только вьетнамец, живший со мной в одной комнате студенческого общежития, говорил примерно так же. Но этот явно был европейцем. Правда, глаза...

— Не можете понять, что произошло, не утруждайте себя догадками. Все они далеки от истины. Вы не на Земле, а на другой планете.

Мужик явно хочет надуть, подумал я, забывает голозу всякой чепухой. Не на такого напал.

— Вижу, вижу. Мои слова кажутся вам абсолютной ложью. Более веские доказательства будут позднее. А первое, самое простое, — я сам. Я не землянин, — он шагнул ко мне, показывая пальцем на свои глаза, а потом на уши.

Глаза... Я был прав, они действительно необычные. С двумя зрачками, дымчатым, капиллярным яблоком... И уши...

«Ты хотел приключение, — сказал я сам себе, — вот и кушай на здоровье».

— Как меня сюда доставили? — спросил я, — далеко ли мы от Земли?

— Сотни четыре ваших световых лет, — ответил инопланетянин. — Транспорт — подпространственный передатчик материи. Даже у вас на Земле умные люди сообразили, что межзвездные перелеты на космических кораблях невозможны. Но не будем оталекаяться на технические детали, мне

нельзя рассказывать слишком много, а вам, даже если я расскажу, почти ничего не удастся понять.

Заносчивый тон собеседника мне не понравился. Надо было как-то перехватить инициативу.

— Как вы очутились на Земле? Куда вас тащили те двое?

— С Землей у нас давние связи. В основном, торговые. Но на этот раз я был там не по своей воле, а как заложник. Вы меня спасли.

— Когда меня отправят обратно?

— А куда вы торопитесь? Неблагодарность не в моих привычках. Считайте, что у вас увеселительная прогулка по экзотической стране. Я позабочусь, чтобы вы не скучали, а когда надоест — вернетесь домой.

Два могучих удара — не очень-то хорошая благодарность, подумал я. Хотя мало ли какие могут быть у человека обстоятельства. И экскурсии по чужой планете — дело стоящее. Грех отказываться.

— Вижу, вы согласны, — сказал инопланетянин, — совету вам отдохнуть, у нас наступает ночь. А заодно и развлечения номер один.

Он открыл дверь, впуская в комнату девушку, а сам вышел, сделав на прощание странный жест рукой.

Несмотря на некоторые нечеловеческие признаки во внешности, девушка выглядела очень красивой. Она грациозно подошла ко мне, по-детски быстро поцеловала в губы, взяла за руку и повела к постели. Там, выпустив руку, она деловито принялась раздеваться. Ошеломленный столь быстрой сменой ситуаций, я механически последовал ее примеру. Я не пуританин, а слова про свой устав в чужом монастыре — хорошее оправдание. И следует признаться, что мои дальнейшие действия вряд ли противоречили моим желаниям.

ПЕРВОЙ мыслью после пробуждения было сомнение, что я проснулся. Голубоватый свет чужой луны, знакомая девушка, лежащая рядом со мной. Все это очень мало походило на реальность. Внезапно, очевидно почувствовав мое пробуждение, девушка заговорила. Она владела русским языком намного хуже моего благодарного инопланетянина, но суть сказанного улавливалась без труда. Говорила девушка тихо, это был даже не шепот, а какой-то намек на слова.

— Глупец! Что ты натворил! Зачем помог моему хозяину? Своими действиями ты погубил хорошего человека.

— Объясни мне, в чем дело, — стараясь говорить так же тихо, сказал я.

— Суанмуу — страшный человек. Сейчас он — самый сильный на планете. Он поймал Киитумела, вождя тех, кто борется против него. Так как мой хозяин очень силен в колдовстве, то сражаться с ним на нашей планете невозможно. Сторонники Киитумела поймали его на Земле и собирались требовать свободы своему вождю. Вдруг вмешался ты...

Значит, этот тип частично говорил правду, — подумал я. — Осталось только разобраться с колдовством, по совести

говоря, с мистикой у меня всегда были напряженные отношения.

— А что это за колдовство? Получается, на Земле оно не действует?

— Колдовство? Видишь ли, каждую планету, перед тем как заселить, переделывают. На ней становится возможно колдовать. И в колдовстве Суанмуу очень силен. Он может взглядом ударить человека, защититься, когда в него стреляют, двигать предметы, не прикасаясь к ним. Здесь он всемогущ. А Земля, как и другие дикие планеты, не приспособлена для колдовства.

Итак, с волшебством колдовством что-то выяснилось. Похоже, что это род энергополя. И пользоваться им, по каким-то причинам, могут не все. Что же касается новостей из местной политической жизни... Девушка была служанкой этого Суанмуу, но явно работала против него. Провокация!

— У вас все так хорошо говорят на земном языке? — спросил я.

— Нет, только люсу. Это люди, которые воюют.

— Но ты ведь не воин?

— Я из самых приближенных слуг, — с гордостью сказала девушка.

— Почему же ты выступаешь против хозяина?

— Он — мерзавец, его тайно ненавидят почти все слуги. Но я, как и они, нахожусь под его заклятием на верность в действиях. Я не могу и пальцем пошевелить во вред Суанмуу, исполню любую его команду. Но на верность в словах я не заклята. И мой язык — единственное оружие.

Заклятье — что-то типа гипноза, подумал я. Возможно ли это? Но девушка не оставила мне времени на размышления.

— Ты помешал нам, и ты исправил ошибку, — сказала она тоном приказа.

— Как? — не понял я.

— Ты освободишь Киитумела.

Я ОСВОБОДИЛ его. Слишком сильны были во мне рыцарские предрассудки. По объяснениям девушки, запомнил, как, используя карнизы, балконы и уходящий фасад, пробраться на крышу бокового крыла, где находилось окно в темницу. Прутья решетки почти не были сделаны в стену. Не тюрьма, а смех один.

Как только мы перебрались через высокий ров, Киитумел принялся озираться, словно пытается найти уже знакомое ему место. До сих пор нам не удалось поговорить: его слова, обращенные ко мне, я не понял, а моих (на четырех языках) не понял он. Пришлось действовать молча.

Через пару минут мой спутник сориентировался. Мне пришлось идти за ним. Местное солнце уже поднялось, и все происходящее напоминало обычную утреннюю прогулку то ли за грибами, то ли за ягодами. Но сходство было чисто внешнее, да и то не полное. Киитумел крадся, будто за каждым кустом скрывался враг. Я шел за ним след в след, пытаясь разобраться в своих мыслях.

Минут через сорок вышли на небольшую полянку. Киитумел принялся копошиться в кустах, и перед моим взглядом вскоре оказалась машина, больше всего напоминающая автомобильчик детского аттракциона. Не было только палки, по которой подобные машины получают питание от натянутой сверху сетки.

Мой спутник походил вокруг машины, сел, по манипулировал ручками управления. Аппарат тихо загудел, повис над землей и резко взмыл вверх.

— Постой! — крикнул я. — Как же...

Но спрашивать было некого. Темная точка загрохала в небо.

Благодарность у жителей этого мира не в почете, думая я. Второй спасенный мной человек — и вторая осечка. Что же делать? Суанмуу хоть что-то обещал и даже начал развлекать. Как меня угораздило поддаться на уговоры девушки? Остается лишь найти врагов Суанмуу и просить, чтобы вернули меня на Землю. Или упасть в ноги повелителю, покаяться в грехах и просить о том же самом? Для начала я решил залезть на какое-нибудь подходящее дерево и осмотреться.

С высоты было видно много. Например, десяток слуг Суанмуу с каким-то оружием. Они вышли из ворот замка и теперь двигались в мою сторону. Рядом с ними бежало несколько крупных баранов. Они, похоже, что-то вынюхивали в траве. Я слышал, что со свиньями ходят искать грибы. Но бараны в роли охотничьей собаки?

Раз ищут — надо бежать. Спустившись с дерева, решил идти в сторону гор, куда, кажется, полетел Киитумел.

Прошло не меньше часа, и я услышал шум приближающейся погони. Бежать быстрее было невозможно, лес становился все гуще и гуще. Очень скоро появился первый баран-ищейка. Но если бы баран! Эта тварь не была бараном в земном смысле слова. Хотя бы потому, что на Земле саблезубых баранов не бывает. Наконец, слуги Суанмуу сняли меня с очередного дерева и доставили к своему правителю. Правитель, держа в руках автомат, принял меня в огромном зале. Несколько человек с кинжалами на поясе толпились за его спиной и угрожающе поглядывали в мою сторону.

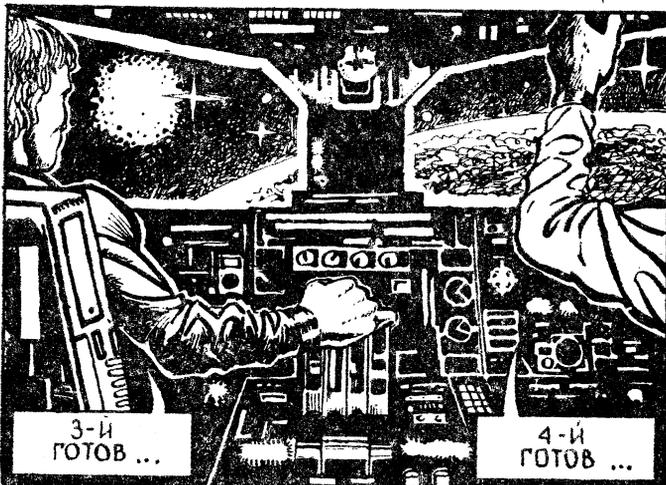
— Дикарь! — заорал Суанмуу. — Я взял тебя с планеты, находящейся чуть выше уровня зарождения цивилизации. Я хотел приобщить тебя к культуре народа с историей в 500000 лет. А ты? Сразу же влез в конфликт, совершенно недопустимый твоему пониманию. Чего ты добился своей выходкой?

В его словах была доля правды, мой поступок умилил не назовешь. Кабы вывернуться!

— Каюсь, я действительно свалил дурака. Но ведь я спас тебя. Надеюсь, это компенсирует мое глупое поведение. Давай согласимся, что никто никому ничего не должен, и верни меня на Землю. Я постараюсь обо всем забыть.

Суанмуу прошелся по залу, что-то обдумывая.

— Нет, — сказал он, — так просто тебе не выпутаться. После освобождения этого мерзавца ситуация резко ухудшилась. Я вынужден использовать тебя в своих интересах. А там будет видно.

— Я не намерен участвовать ни в каких авантюрах, — сказал я, — и требую, чтобы меня, как гражданина другой планеты, вернули домой.

Хозяин замка расхохотался.

— Гражданин! Слишком громко сказано. Ты — дикарь, вытщенный из каменного века. Мы извезли вдоль и поперек всю вашу планету, продавая и покупая массу вещей. А вы даже не имеете о нас понятия. Варвары.

— Почему варвары? — возмутился я. — Вы же торгуете с нами, ведь это земное оружие... Стало быть, не так уж мы и глупы.

— Твое поведение говорит само за себя. А что касается покупок, то и на Земле ценятся безделушки, сделанные дикарями. Между тем, дистанция от вас до нас намного больше, чем кажется. Вот доказательство. — Суанмуу протянул мне автомат, — попробуй убить меня.

Я взял автомат. Действительно, земная работа. Что же делать? Или холостые патроны, или? Демонстрация чудес телекинеза дикому варвару? Не спеша, поигрывая автоматом, я подошел к окну. И увидел то, что мне надо было: стоянку маленьких машинок. На одной из них улетел Китумел. Вот и выход.

— А здесь не холостые? — спросил я.

— Смотри, — самодовольно ответил Суанмуу. Он подошел ко мне и, взяв автомат, выпустил короткую очередь вверх и вбок. Грохот выстрелов оглушил меня, но визг рикошетирующих пуль был слышен.

Суанмуу вернул мне автомат. Я взял его и мгновенно оглушил хозяина замка, используя автомат как дубину. Никакое колдовство мне не помешало. Затем я направил оружие на слуг Суанмуу.

— Не двигаться! — командовал я и попятился к двери. Но дойти до нее мне не удалось. То ли я слабо ударил, то ли Суанмуу оказался крепким парнем. Он поднял голову и посмотрел на меня. Зло, с ухмылкой. И словно граната взорвалась над моим ухом.

ЕСЛИ удары по голове будут наносить так часто, можно основательно поглупеть, думал я, приходя в себя. Хотя и без ударов мое поведение на этой планете особой интеллектуальностью не отличалось. Авантюра за авантурой, и все только ухудшают мое положение. Ну, выстрелил бы, если дядя просит. Нет, обязательно надо лихость показать.

Я сидел, привязанный к жесткому стулу с высокой спинкой, по сторонам стояли головорезы Суанмуу, а сам он находился передо мной, в глазах его читалось презрение.

— Ну что, дикарь? Еще жив? Ничего, я придумал для тебя достойное наказание. Хочешь стать куклой, дикарь? Марионеткой? Даже ненавижу меня, ты будешь выполнять любые мои приказания. Любые, слышишь, дикарь?

Заклятье на верность, подумал я. Девчонка говорила правду. Что же делается? Я хочу домой, подальше от этих ужасов!

Суанмуу разглядел в моих глазах страх и остался доволен.

Он что-то командовал негромко слугам, и они прижали мою голову к спинке стула.

— Смотри на меня, дикарь! Смотри! Если ты закроешь глаза, их откроют силой. Смотри!!!

Его взгляд уперся в мое лицо. Слово чьи-то холодные, скользкие пальцы пробежали по извилинкам мозга. Страх захлестнул меня и вызвал одновременно прилив ярости. Устремив свой взгляд в бездонные глаза Суанмуу, я выплеснул в них кипящую во мне злобу: «Чтоб ты сдох, сволочь!»

Суанмуу резко отшатнулся и затряс головой. Он прошелся передо мной, и ноги его производили впечатление набитых ватой. Слуги, не понимая, что происходит, продолжали держать мою голову.

Суанмуу махнул рукой и что-то пробормотал. Меня отпустили, веревки разрезали.

— Ты не прав, дикарь, — сказал Суанмуу. Мне показалось, что его голос дрожал. — Я не такой плохой человек, как ты думаешь. Видишь, мне стало жалко тебя. Я передумал. Тебе я тоже дам подумать. Надеюсь, что ты согласишься сотрудничать добровольно. И запомни: бежать тебе некуда.

Меня отвели в бывшую темницу Китумела и оставили обдумывать предложение Суанмуу. Но я почему-то больше думал не о будущем, а о прошлом. О совсем недавнем прошлом. О неудачной попытке Суанмуу заковать меня на верность. Не мог я поверить этому мерзавцу, что он вдруг проникся ко мне жалостью. Не мог, и все.

Но что же тогда? Мозг Суанмуу мог управлять энергополем, мог отклонять летящие пули, мог оглушить человека на расстоянии. Приличная мощность. Но почему Суанмуу не заковал меня, как других? Моя ненависть помешала? Как? Сильные эмоции тормозят действия поля? Почему? Зря я гадаю, мне ведь даже механизм заковать абсолютно непонятен. Хотя есть одно объяснение, буквально лежащее на поверхности. А что, если мой мозг тоже способен к колдовству?.. В волнении я забегал по камере. Мне говорили, что Суанмуу — очень сильный колдун. Если я не поддаюсь ему и даже (льщу себя надеждой) чуть было не убил его, значит, и я достаточно силен в этом искусстве? Но как проверить?

Следующие полчаса я занимался тренировкой своих телекинетических способностей. Передо мной открылся целый мир. Я двигал предметы взглядом и ощущал от этого буквально физическое наслаждение. Родная Земля, о возвращении на которую я мечтал еще совсем недавно, стала казаться действительно отсталой провинцией. Телекинез! Настоящее колдовство!

Как видно, то ли удары по голове были такими слабыми, что не выбили из меня жажду новых приключений, то ли новые возможности излишне завели меня, но я решил бежать и, если нужно, сразиться с Суанмуу на его родовом, клябленном поприще.

Телекинетическим усилием я выдрал из окна решетку и заставил дерево, росшее неподалеку, вытянуть мне навстречу свои толстые ветви. Снять часовых у «аэродрома» после

ЧЕРЕЗ ЧАС КОРАБЛЬ ЗАТормозил, на экранах появилось изображение грузовоза, скорее всего давно покинутого.

НА ЗАПРОСЫ НЕ ОТВЕЧАЕТ. НАДО ПОЙТИ И РАЗБЕДАТЬ ОБСТАНОВКУ.

А Я ПОЙДУ РАЗБЕРУСЬ С РАДАРМИ, НА ЭКРАНАХ СПЛОШНЫЕ ПОМЕХИ.

ТЫ ЗНАЕШЬ, У МЕНЯ КАКОЕ-ТО НЕХОРОШЕЕ ПРЕДУСЛОВИЕ.

ТРОЕ ИЗ ЧЕТЫРЕХ ЧЛЕНОВ ЭКИПАЖА ОТПРАВИЛИСЬ НА ОСМОТР ГРУЗОВОЗА. НА КОРАБЛЕ ОСТАЛИСЬ ДВОЕ: КАПИТАН И ГЛАВНЫЙ КОМПЬЮТЕР.

ВСЕ-ТАКИ СТРАННО ОЧЕНЬ УЖ ПОХОЖИ ЭТИ ПОМЕХИ НА ИСКУССТВЕННЫЕ.

урока, преподаваемого Суанмуу, труда не составляло. Я не совсем понимаю, что именно оглушало их: удар сжатым воздухом или что-то еще... Я представил доску, резко опускающуюся на голову, и это срабатывало. Забравшись в один из летательных аппаратов, я обрадовался. Мои предположения оправдались. При таких малых размерах машина не могла иметь ни запасов топлива, ни сложных двигателей. Движение осуществлялось за счет энергополя планеты. Педаль скорости, ручка высоты, штурвал. Медленно поднимаясь, я оробовал машину. Она была абсолютно устойчива, чутко слушалась управления и шумела не громче обыкновенной земной гчельи.

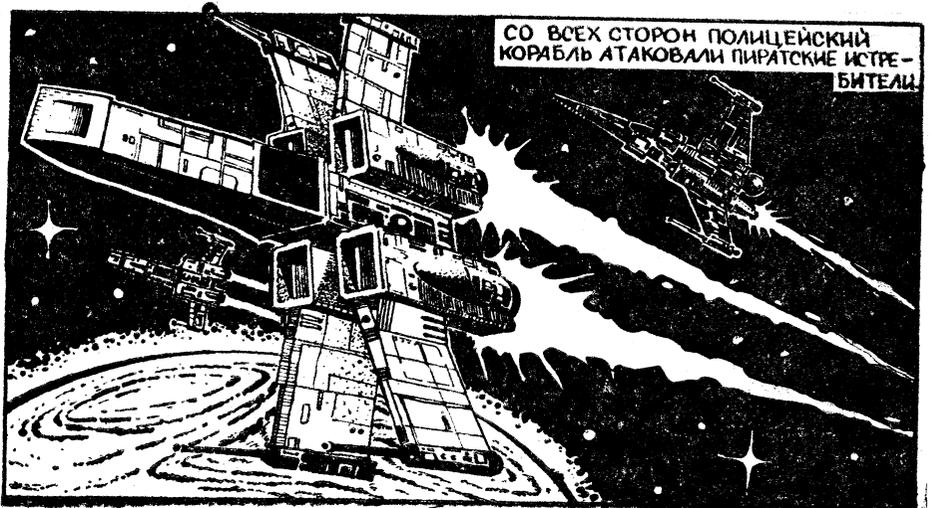
Начинало смеркаться. Никем не замеченный, я направил машину к горам. Два автомата оглушенных охранников лежали рядом со мной. Чувствовалось, что влип я основательно и выпутаться будет совсем не просто. Смешно сказать, но здесь никто даже не поинтересовался моим именем. Но анонимность взаимна: я тоже не знаю, где нахожусь. Человек без имени летел в небе безымянной планеты. И мысли о будущем не вызывали у него особого оптимизма.

Холодный ветер, усиленный быстрым движением аппарата, бушевал вокруг кабины и сквозь массу щелей врвался в нее. Я продрог, плюс ко всему уже несколько часов меня дожимал голод. Все это вместе заставляло иначе оценить мой «удачный побег». Не радовали даже неожиданно открытые в себе самом телекинетические способности. Один на чужой планете, не знаю ни языка, ни обычаев, не имею ни малейшего понятия, как вернуться на Землю. На сладкое — отвержен, преследуем, гоним. Имя «Киитумела» — моя единственная зацепка.

Внизу проплывали тщательно возделанные поля, аккуратненькие деревни. Пару раз я видел замки и старался держаться от них подальше. Я хотел найти фруктовый сад или огород и позавтракать.

Подходящий сад я скоро обнаружил, оглядевшись по сторонам, и принялся срывать плоды с применением так называемого «колдовства». Фрукты росли на стеблях высокого кустарника и по вкусу напоминали гибрид яблока с персиком. Кроме того, я снял с толстого приземистого дерева несколько «дынь», постарался в отношении «орехов» и «ягод», загрузил сколько мог свой аппарат и, опустившись в укромном месте, вдали от деревни, приступил к завтраку. Острым сучком, не без труда, проткнул дырку в кожуре «дыни». Под ней оказался белый жирный слой, а дальше... мясо! Сырое мясо! От растерянности я даже выронил плод. Мясное дерево?

— Ну и что, — успокоил я себя. — Эка невидаль!.. Земные фантасты о подобном писали давно. А здесь — древняя культура, полмиллиона лет. Такое и у нас лет через сто будет. А через полмиллиона... Да за такой срок научатся выращивать жареное мясо, нарезанное ломтиками, с овощным гарниром. У нас на Земле... И тут меня осенило. Я кинулся к машине. И впрямь: на рукоятке руля латинскими буквами, на португальском, было написано: «Сделано в Бразилии».

ПОЕДАЯ неизвестные фрукты, я на огромной скорости гнал свою машину по прямой. Куда угодно, лишь бы по прямой.

И почему я сразу же поверил в чужую планету? Легче всего допустить самое невероятное! Ведь Земля так велика и на ней сколько угодно мест, кажущихся такому знатоку, как я, не менее загадочным, чем чужая планета. Например, Южная Америка. Континент большой, мало ли куда меня занесло? Как ни трудна контрбандажная переправка бессознательного мужика, крупного размера через несколько государственных границ, это все же полечче, чем ноль-передача материи через световые столетия. А разве глаз, форма ушей, мясные деревья, саблезубые ягнята? Метисы, неизвестная науке раса, успехи генетики. А летающие машины, рассказы о колдовстве, мои парансихологические таланты? Антигравитация, бред неграмотной девки, мало ли еще что! Главное — я на Земле. Действительно, зачем передовой расе заказывать на другой (отсталой!) планете оружие и прочую технику? Технику, в которой земляне и разбираться-то не должны. Я на Земле! По прямой, быстрее к большому городу, где я смогу воспользоваться своими познаниями в иностранных языках и разобраться, в конце концов, в чем дело!

А голубая Луна? Что же, обмен зрения? Особенности атмосфер? Я резко сбавил скорость. Прямо по курсу замок. Но он стлчался от виденных мной. Это был бывший замок. И над ним еще поднимался дымок пожарища.

Я спустился ниже и облетел дымящиеся развалины. Людей не было. Вернее... Люди были, но только мертвые. Пюжар возник не сам по себе. Я приземлился и осмотрел убитых. Все мужчины. Пули, осколки, напалм. Банальное земное оружие. В ногах появилась слабость. За всю свою жизнь я видел не так уж много мертвецов, и все они умерли своей смертью, от болезней, от преклонного возраста. Но это...

Я полетел дальше. Куда? Зачем? По прямой, а там увидим. В полях начали появляться люди. Они работали по одному, по двое. Спускаться и брать у них интервью не хотелось. Земля это или не Земля, но здесь убивают. Я мирный человек, привыкший к мирной жизни. Хотя рядом со мной и лежат два автомата, поднимется ли у меня рука использовать их?

Снизу донеслись звуки человеческой деятельности. Это меня удивило, так как высота была достаточно велика. Но, опустив взгляд, все понял. Одно из самых увлекательных занятий на свете — охота. А охота, которая велась сейчас внизу, была увлекательна вдвойне. Потому что это была охота на человека.

ЗАВИСНУВ под прикрытием дерева-великана, я наблюдал за жертвой. Молодой парень в изодранной и окровавленной форменной одежде. В руках автомат. Чувствовалось, что силы его оставляют. И все же хватило, чтобы пристрелить пару ищеек, выскочивших из зарослей. Я обдумывал свое дальнейшее поведение. Конечно, много

на одного — нечестно. А вдруг это опасный преступник, один из этех, кто разрушил замок и перебил его обитателей? А если наоборот: это единственный уцелевший? Я вспомнил две свои предыдущие попытки помочь местным жителям и решил, что третья будет последней, если парень окажется под стать облагодетельствованным прежде. А потом принялся вырубать охотников по одному.

Бедолага чуть было не пристрелил меня, своего спасителя. Хорошо, что я взглядом успел оттолкнуть автомат, пули просвистели у моего лица. Но ситуация прояснилась.

Вдвоем в местном транспорте тесновато. Но лететь значительно безопаснее, чем оставаться внизу. Вот мы и летели, точнее, улетаывали, на максимальной скорости. И искали общий язык.

На удивление, он нашелся быстро. Это оказался английский. И парень, несмотря на форму глаз, напоминал америткнца. Не знаю уж, что в нем было от янки, но Страуклоо, так звали очередного спасенного мной аборигена, тут же принялся за разрушение моих иллюзий.

— Я вижу, ты с Земли! — сказал он, — как тебя зовут? Как ты попал сюда?

С грустью подумав о южноамериканском варианте, я предствиллся и вкратце изложил свои приключения.

А затем от своего нового знакомого смог почерпнуть и некоторые интересующие меня сведения.

Планета Версенн была переоборудована и заселена около 600 земных лет тому назад. После этого ее обитатели были предоставлены сами себе. Около 90 процентов населения составляют крестьяне, фермеры. Их труд не тяжел, его облегчает совершенная сельскохозяйственная техника. И вообще, судьбу крестьян нельзя назвать незавидной. Хотя бы потому, что основной закон этой планеты гласит: «Жизнь и имущество фермеров неприкосновенны». Теперь, когда планета считается полностью заселенной, каждый фермер имеет одного наследника (из своих детей по выбору). А остальные дети, если они есть, не обладают привилегиями родителей. Они превращаются либо в слуг люсу, либо, если повезет, в самих люсу. Война — не основное предназначение люсу. Скорее, это их второстепенная функция. Главное же занятие — продажа всей той продукции, которую сдают крестьяне. Торгуя продовольствием, люсу покупают все остальное на других планетах. Начиная от гвоздей и кончая напалмовыми бомбами. Закупки производятся на диких планетах, в основном, на Земле, как на самой развитой из них. Причины столь однобокого, аграрного развития Версенны я уяснил из слов Страуклоо о втором всепланетном законе: «Нельзя заниматься изготовлением чего-либо (кроме жилища) и нельзя заниматься научными исследованиями».

Совершенно непонятно, кто придумал этот дурацкий закон (первый хоть отличался удивительным гуманизмом), но Страуклоо считал его верхом мудрости.

Итак, люсу распределяли среди своих фермеров приобретенные товары (Страуклоо убеждал, что это делалось очень честно, и крестьяне жили в полном достатке). Все оставши-

ТОЛЬКО БЫ ОНИ УСПЕЛИ!

А ТЕМ ВРЕМЕНЕМ ЗАГОВОРЯЛИ ЛАЗЕРНЫЕ ПУШКИ.

еся местные лорды, князья, бароны или как их там еще о-ставляли себе. Надо думать, что не без определенной выгоды. Бог с ней, с выгодой, если бы все были довольны. Но так не бывает. Местная знать непрерывно интриговала. Время от времени эти интриги превращались в войны. За счет разгрома множества мелких правителей и эксплуатации их крестьян выделились Киитумел и Суанмуу. Они сумели вооружить достаточно крупные армии.

Отец Страуклоо был одним из союзников Суанмуу. Отряд из сторонников Киитумела разгромил замок. Результат я видел своими глазами. Страуклоо оказался единственным спасшимся мужчиной.

— А женщины и дети? — поинтересовался я.

— Их забрали с собой. Слуги ведь тоже нужны. И наложницы. А Суанмуу даже мужчин не убивает. Он ведь может наложить на них заклятье на верность.

Я вспомнил его не совсем удачную попытку проделать этот номер со мной и поехился. Не так уж много я скрыл от своего спутника, когда рассказывал о своих приключениях, но способность к «колдовству» решил придержать до поры до времени.

Кстати, восемь лордов планеты (среди них двое спасенных мной) обладали подстранными передатчиками, они и осуществляют связи с остальными мирами. Из объяснений Страуклоо я понял, что лорды стоят один другого. Развлекись надежды, что Киитумел окажется хорошим человеком, главой тех, кто борется против тирана Суанмуу. Вопрос, на чьей стороне справедливость, был просто смешон. Инопланетянин, прилетевший в Англию во времена Алой и Белой Роз, наверняка понял бы мои чувства...

— Послушай, Страуклоо, — сказал я, — может, нам стоит расстаться? Ты доберешься до Суанмуу, скрыв от него, что я помогал тебе. Ему нужны войны, ты из его союзников, из знатного рода. Тебе нечего бояться.

— Не все так просто. Суанмуу никому не доверяет. На всех, кто у него служит, он накладывает заклятье на верность в действях. А мне не хочется быть заклятым, хоть это не так уж и страшно. Заклятый человек — такой же человек. Тем более у меня сейчас и родителей нет. Знаешь, какая лучшая проверка для заклятого? Заклятого, если он выходец из крестьян, могут заставить убить собственного отца или мать.

Я вздрогнул. И они еще называли меня дикарем! Проклятая планета!

— Почему же ты не хочешь быть заклятым, если это не доставляет особых неприятностей?

— Почему?! Я рожден не для того, чтобы быть безвольным рабом. Даже простолудины не очень-то соглашались на подобные вещи. Сила Суанмуу — одновременно его слабость. Его боятся, и немногие по доброй воле вступают с ним в союз. Но он хитер, и он колдун. А колдовство — страшная сила...

— И часто у вас встречаются эти самые колдуны?

— Не очень. Сейчас их не больше десятка. Суанмуу из них

самый сильный. Еще трех или четырех послабее он заклял на верность себе. Остальные — в лагере Киитумела. Вообще-то, когда заселялась наша планета, генетики постарались, чтобы колдунов не было.

— Почему? — заинтересовался я, позабывшись сочетанию в одной фразе слов «генетики» и «колдуны».

— Наш мир не совсем обычен. Это бывшее место ссылки. Сейчас планету заселяют потомки сосланных когда-то преступников.

ХРАП Страуклоо звучал совсем по-земному. А я никак не мог уснуть. С одной стороны, почти все прояснилось, 600 лет тому назад планету заселили преступниками, определив им два основных закона и организовав разделение труда. 14 так называемых диких планет были предоставлены версенам как рынки сбыта. Где находится планета-метрополия — неизвестно. Передатчиками материи здесь пользуются, как земной обыватель телевизором: переключая с программы на программу — с планеты на планету. Часть торговцев, дравшаяся до оружия, захватила власть.

Но... Появились такие вопросы, что и задумываться страшно. Что это за цивилизация, которая запросто переделывает планеты в места для ссылки каторжников? Условия заключения просто роскошные, но этично ли наказывать детей за провинности их родителей? Второй закон, запрещающий науку и технику, это что — страх перед преступной наследственностью?

Нет, уж слишком глобально. Меня же интересует, сущий пустяк: как добраться до одного из восьми передатчиков?

Утром я обратился к Страуклоо.

— Силой, — ответил мой спутник, — а так как сил у нас мало, то хоршо бы спросить совет у Зеркала. Хотя добраться до Зеркала немногим легче.

— Что это за Зеркало? — поинтересовался я.

— Зеркало — это зеркало, — очень понятно объяснил Страуклоо, — его же почти никто не видел. Только покупали у хозяина сведения. А я, наверное, говорю глупости: легче добраться до передатчика, чем до Зеркала. Оно одно, а передатчиков восемь.

Ясенько. И здесь и там никаких шансов. Передатчики, явно охранялись лучше местных темниц. А Зеркало, если оно одно на всю планету...

— Ладно, — я решил выяснить еще одну мелочь. — А зачем я нужен Суанмуу? Какую пользу я могу ему принести?

— О! — оживился Страуклоо. — Я думаю, все дело в Арсенале. Ты — чужак, инопланетянин, значит, тебе нетрудно будет проникнуть. Дела Суанмуу идут не так хоршо, и он созрел для нарушения запрета на вход в Арсенал.

— Пожалуйста, — взмолился я, — ты меня достаточно заинтриговал. Что это за Арсенал, что за запрет, и причем же здесь я?

— На планетах для преступников иногда случаются разные неприятности вроде крупных войн с нарушением двух основных законов. Тогда прибывают посланцы из метрополии,

КОРАБЛЬ РЕЗКО ТРЯХНУЛО, СЕРГЕЙ УПАЛ, УДАРИЛСЯ И ПОТЕРЯЛ СОЗНАНИЕ.

ПОСЛЕ БЕСКОНЕЧНЫХ КУЛЬБИТОВ ЧТО-ТО ОСТАНОВИЛО ВРАЩЕНИЕ. СЕРГЕЙ ЛЕЖАЛ, ЗАВАЛЕННЫЙ ОБРУШИВШИМИСЯ ПРИБОРАМИ.

чтобы навести порядок. Оружие для этого хранится в Арсенале. Очень сильное оружие, не эта хлопушка, — он кинул на автомат, — настолько сильно, что его бояться хранить в метрополии. Никакого запрета на вход в Арсенал нет. Туда попасть просто невозможно. Для местных жителей. Но считают, что дикарю, вроде тебя, это совсем не сложно.

На этот раз я не задумывался над причудами планеты-метрополии и над техническими проблемами запрета. Даже не обиделся на «дикаря». Я получил шанс на спасение, даже, если ради него мне придется перевернуть всю планету.

— Страуклоо, дружище, я хочу открыть тебе один секрет...

ЧТОБЫ взгляд успевал отреагировать на пули автоматной очереди, мышление должно обладать околосветовой скоростью. А если стрелков несколько, и они перемещаются? Но у сложных задач часто оказываются базовые решения. Так, размышляя о «колдовской» защите от пуль, я додумался создать вокруг себя воображаемую пуленепробиваемую оболочку. Сработало. Она была абсолютно невидима, но пули не пропускала.

Всего трудней оказалось с заклетьями. Я не знал местного языка, а здесь далеко не все владела земными. Пришлось попотеть, заучивая труднопроизносимую абракадабру, означающую нечто вроде: «Ты будешь подчиняться моим приказам. Все, что я скажу — для тебя закон. Ты не будешь совершать никаких действий мне во вред».

Подготовив свое необычное оружие, мы приступили к первой операции. Замок был несолидный, но на большее рассчитывать не приходилось. Перехватив какого-то парня из местных люсу, мы привязали его к дереву. Страуклоо деожал у горла пленного кинжал, таким образом, заставляя беднягу смотреть мне в глаза. Я произнес свою формулу, стараясь, словно выцарапать взглядом суть заклетья где-то там, в глубине сознания жертвы. Морально-этические возражения? Были, притом довольно сильные. Я знал, что поступаю, мягко говоря, не гуманно. Но в глубине души ухитрился придумать себе оправдание: когда все кончится — всех расколдую.

Заклетье подействовало, и наш подопечный привел в ловушку еще двоих. Дальше — больше. Скоро и часовые стали наши. Потом появилось оружие...

К хозяину замка мы вошли в окружении доблестной гвардии, состоящей из его собственных воинов. Во избежание неприятностей я заклил и этого невезучего феодала. Что греха таить, я поработал на славу. Армия, состоящая к началу операции из двух бродяг, увеличилась до полусотни человек, обладающих базой, запасами оружия и продвольствия. Кинематографическая легкость происходящего сшеломила меня. Я уже планировал операцию по захвату передатчика, но Страуклоо охладил мой пыл.

— Далеко не самый лучший способ самоубийства, — ответил он на мои предложения, — оставь стратегию и тактику мне. Я знаю планету и знаю, как на ней воевать.

Страуклоо связался по радиис с Суанмуу и сообщил, что с

тремя десятками людей сбежал после взрыва своего замка, а сейчас внезапным ударом захватил усадьбу в районе таком-то вместе со всем добром.

— Молодец, — похвалил Суанмуу, — пленные есть? Ты же знаешь, мне нужны пленные.

— Нет. В моем положении пленные — роскошь. Покойников много. Нужны?

Суанмуу посмеялся. Затем они обменялись заверениями в верности и дружбе и прервали связь. Разговор шел на английском.

— Послушай, Страуклоо, — сказал я, — мне непонятно, почему вы говорите между собой на языке другой планеты?

— Земля очень важна для нас. Она — единственный поставщик оружия, один из немногих поставщиков техники. Земля слишком сильна и опасна, она — единственная из диких планет, где мы действуем тайно. Для этого требуется знание языков, а они невероятно сложны, требуют постоянных упражнений. Кроме того, знание земного языка — свидетельство принадлежности к аристократии.

— Постой, — перебил я, — а как же Кинтумел? Я так и не смог с ним договориться.

— Языки не совпали. У него много деловых операций в Азии. Он владеет китайским, японским и еще парой каких-то языков. Суанмуу владеет тремя, — Страуклоо тяжело вздохнул. — Оба они очень хитрые бестии.

— Ничего, перехитрим, — успокоил я его. — У нас просто нет другого выхода.

Я знал, что это не совсем так. Страуклоо, неожиданно убрав меня, вполне мог остановиться на достигнутом. Выхода не было только у меня.

ПОДГОТОВКА к следующей операции заняла половину дня. Вечером мы вылетели и летели ночь, утро и еще одну ночь. Я пытался выяснить куда, но Страуклоо от каждого вопроса только крепче сжимал губы.

— Если ты мне не доверяешь, — не связывайся, — наконец отрезал он. — Раз я так делаю, значит, надо.

К концу второй ночи мы подлетели к замку, и я понял, что дневного сна не будет. Уж больно устрашающе выглядел замок.

— Почему ты выбрал такое время? — спросил я Страуклоо. — Люди измотаны, хотят спать.

— Зеркало — единственная причина, — ответил мой генерал. — По той же причине я всю дорогу молчал. Зеркало не слышит лишь то, что не произносится. Первым делом, поутру, хозяин советуется с ним. И первый вопрос, повторяемый еще десяток раз в течение дня: «Что мне сейчас угрожает?»

Слово «замок» — свидетельство инерции мышления. Здесь сню не годится. Крепость, форт — может быть. Мощные бетонные стены, мощная артиллерия всех калибров. На высоте около сотни метров, треугольником, висят три летательных аппарата. Нам повезло, что у наблюдателей не было приборов ночного видения, и темнота позволила подобраться на минимальное расстояние.

В ЭТО ВРЕМЯ НА БАЗОВОЙ СТАНЦИИ ПИРАТОВ, В ТРОННОМ ЗАЛЕ...

ПОВЕЛИТЕЛЬ РОЛЬФ! ПОЛИЦЕЙСКИЙ КОРАБЛЬ ЗАХВАЧЕН. ОН НАШ!

ОТВЕСТИ ПОСУДИНУ В АНГАР, Я ПОТОМ ОСМОТРИЮ ЕЕ!

Я — «могучий колдун». Особенно ясно это стало, когда я оглушил одновременно трех пилотов. Почти сразу же стартовали и заняли место патрульных три наших машины. Несколько минут, и заклятие превратило пленных в наших верных союзников. Они должны были стать нашими проводниками. Правда, никто из них не знал, где находится Зеркало.

На следующем этапе операции мы захватили спящих артиллеристов ночной смены. Я заклял двадцать человек, а потом еще и еще. По словам «завербованных», в замке жило тысяч пять, из них больше половины — воины. Один выстрел, один крик — и мы пропали. И все же боя избежать не удалось. Кто-то из наших сплеховал, с перепугу дал очередь — и тут началось! Со всех сторон затарахтели автоматы, посыпалась штукатурка, заухали ручные гранаты. Я безнадежно перепугался и не знаю, чем бы все кончилось, если бы не Страуклоо. Он отдавал команды, орал на проводников, стрелял, бежал. Я был в состоянии лишь следовать за ним, успевая оглушить каждого, кто подворачивался под руку.

Приблизительно часа через полтора этот ад кончился. Формально победили мы. Но лорд сумел бежать. Его спасла великолепная выучка охраны. Казалось, телохранители двигались быстрее пуль. И даже чуть-чуть быстрее моего взгляда.

Телекинетические трюки не утомляли мозг. Это еще раз доказывало, что он лишь играет роль реле, управляя другой, куда более мощной силой. Но вот что касается заклятий... Голова гудела, казалась пустой, словно ее содержимое было вычерпано, использовано, как чернила, записывать на мозговых извилинах новообращенных слова приказа. Число наших сторонников перевалило за три сотни, но никто не знал, где находится Зеркало.

Пришлось прибегнуть к последнему средству. Солдаты взлазали все подвалы замка и нашли-таки потайной ход. Но спуститься в него Страуклоо наотрез отказался. Пришлось идти одному.

УЗКИЙ коридор, облицованный каменными плитами, привел меня к огромной запертой двери. И лазер, и взрывчатка были бы бессильны перед ней. Я нанес несколько ударов полем. Бесполезно: глыба — не человек. Что ей мои погуги!

Но я не сдавался. Недавно, в первом захваченном замке, я пробовал управлять летательным аппаратом с земли. На расстоянии перемещал рычаги — и машина отлично летала. Если попытаться таким образом открыть замок? Жаль, я не знаком с его устройством, не знаю, какие рычажки двигать. Но ведь надо что-то делать!

Я весь взмок, но дверь, наконец, поддавалась.

Комната почти пустая, неяркое освещение. Вся мебель — кресло и напротив, у стены, шкаф. Странный шкаф. Ни одной дверцы, ни ручек. И Зеркало, во всю переднюю стенку. Большое, с закругленными углами.

Я изучил собственное отражение и после стольких передряг нашел его вполне удовлетворительным. Потом протянул

руку, чтобы потрогать поверхность Зеркала. И замер. Мое отражение, в отличие от меня, протестующе замахло рукой.

— Не смей прикасаться к Зеркалу, — произнес саморегулирующийся двойник.

— А что будет? — тупо спросил я.

— Испортится ценная вещь.

Отражение говорило по-русски. Но не то чтобы очень. Так же, как говорю я, похрипывая, пришептывая и глотая слова.

— Садись, — предложил Константин из Зазеркалья, — поговорим.

— О чем? — моя бедная голова явно отказывалась понимать происходящее.

— О разных полезных вещах. Какие у тебя планы?

— Вернуться домой.

— Трудная задача. Почти невыполнимая.

— Почему?

— Местные правители ни за что не допустят этого. Они панически боятся, что на Земле о них узнают. 600 лет без малейших подозрений и — полный провал.

— Но ведь Суанмуу...

— Он собирался убить тебя после использования.

Я вспомнил заверения в благодарности и чуть было не выругался. Это же надо, еще корил себя, что я сам испортил хорошие отношения.

— А если я не проболтаюсь?

— Они не могут этого гарантировать. Но здесь ты им тоже опасен. Слишком хорошо умеешь управляться с полем. Кроме того, ты — чужак и рано или поздно доберешься до пердатычика материи.

— Что же делать? — растерянно спросил я.

— Твой друг Страуклоо уже сказал тебе. Сила — единственная вещь, имеющая значение на этой планете.

— Значит, Арсенал?

— Да, Арсенал.

— Я смогу туда попасть?

— Вполне. Охрана плеваая: комбинация инфра- и ультра-звука. Смертельно лишь для местных, землянам хоть бы хны. — В голосе отражения появились дружелюбные нотки. Зеркальный двойник откинулся в кресле, положил ногу на ногу и, казалось, развлекался нашей беседой.

— А смогу я пользоваться этим оружием?

— Почему нет? Вдвоем как-нибудь разберемся. Вот только...

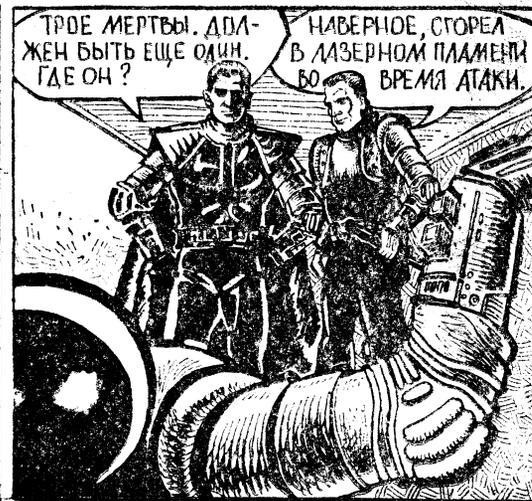
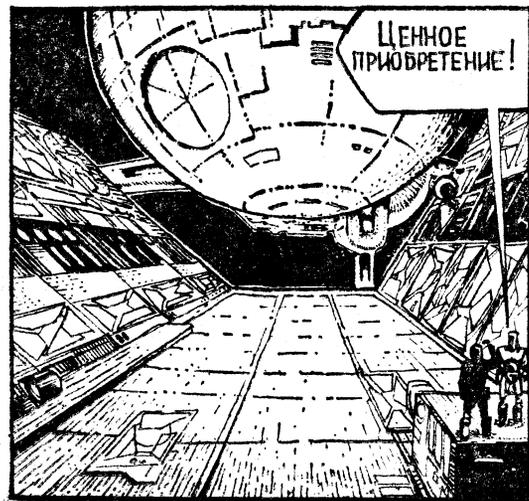
Неожиданно лицо двойника исказилось от ужаса. Он вскочил с кресла.

— Ты слишком поздно пришел ко мне! — закричал, почти срываая голос. — Они уже летят. Беги! Спасайся! У тебя не больше минуты!

Я ничего не понимал. Кто летит? Куда бежать? А он?

— Беги! — еще громче закричал двойник. — Оружию себя защитной оболочкой. Ну, беги же! — и тихо, словно самому себе. — Я так мало рассказал тебе.

И я побежал.

ВЗРЫВЫ начались, когда я был в конце тоннеля. Шесть взрывов. Шесть ракет, аккуратно выпущенных с шести летательных аппаратов. В одну точку. Туда, где находилось Зеркало. Они методично пробивали слой земли и бетонные перекрытия.

Страуклоо пытался рассказать, как безуспешно стрелял из зениток, как солдаты, пытаясь пробиться из замка, натолкнулись на пулеметный огонь. Повсюду валялись убитые и раненые. Бойня.

— Но я думал о другом. Безотносительно к возвращению домой. Я потерял Зеркало.

Так получилось, что у меня не было ни братьев, ни сестер. А я мечтаю о брате, о верном товарище, которому я мог бы довериться, как самому себе, о друге, остающемся другом в трудную минуту. Идеальных друзей не бывает. А я мог бы иметь такого. Если бы не шесть ракет.

А как же столетия, когда Зеркало принадлежало другим? Какие люди скрывались под таинственной поверхностью? Ну и что?! Мужчина, по-настоящему полюбивший женщину, не должен ревновать к тем, кто был с ней до него. И с Зеркалом так же. Отражение — именно мое отражение. Мое второе Я. Бывшее второе Я.

А мое первое Я, побывав там, в подземелье, под ракетами, крушащими своды, утратило контакт с окружающим миром. Наверное, в Зеркале навсегда осталась какая-то важная часть Меня. Или я слишком устал. Не знаю, сколько времени прошло, но я обнаружил, что сижу в каком-то кресле, а Страуклоо стоит рядом и кричит на меня:

— Константин! Да очнись же ты! Нам срочно нужны новые люди. Иди и закланай пленных!

Я встал и пошел. А на рассвете полторы тысячи солдат прорвали оборону и, опрокинув заградительные кордоны, ушли через лес, оставляя за спиной пылающие развалины замка.

Непосредственно Арсенал, как я узнал со слов Страуклоо, был огромным, куполообразным зданием. Высота — около восьмидесяти метров. Площадь — около квадратного километра. Вокруг Арсенала — так называемая «мертвая зона», радиусом не меньше шести километров. Суанмуу ставил опыт, посылая к Арсеналу закланых им людей. Никто из них не дошел. С разбросом в несколько сотен метров они умерли примерно на середине пути. Километрах в трех от цели.

От замка до Арсенала было не больше трех дней пути, однако, военные операции, проводившиеся по дороге, растянули путешествие на неделю. Летательные аппараты, захваченные в замке, все равно не могли вместить всю нашу армию и их пришлось тащить на себе.

Как-то днем к Страуклоо прибежал радист и в невероятном возбуждении стал что-то объяснять. Мой генерал ушел с ним, а вернулся в крайне плохом расположении духа.

— Я говорил с Суанмуу, — сказал он. — Этот мерзавец требует твоей смерти.

— И что ты ответил?

— Сказал, что заклят тобой на верность. А он пообещал,

объединившись с Китумелом и прочими, выпустить нам потроха.

— И что же теперь делать?

— Идти к Арсеналу. Там оружие и снаряжение. Без них мы долго не протянем.

Последний привал мы сделали недалеко от «мертвой зоны». Как доложила разведка, противник занял круговую оборону. Атаку мы наметили на поздний вечер. Единственная надежда — подобраться к Арсеналу, пользуясь ночной темнотой. Через несколько часов все должно было решиться.

МОЖЕТ быть, это смешно, но за последние дни, проведенные на Версенне, я привык к легким победам. Просто не представлял, что меня может постигнуть неудача. Шрам в душе, оставленный потерей Зеркала, все еще болел, но физически я не получил ни одной царапины! Неправдоподобная вереница побед, подобающая лишь супермену из детского приключенческого фильма! Расслабляющее влияние успехов, или присущий мне оптимизм тому виной, но я был способен обдумывать лишь вариант со счастливым концом. А так ли он счастливы?

Ну, захвачу я сверхоружие. Ну, захвачу передатчик. Как сказано — к победам не привыкать. Ну, вернусь на Землю. Замечательно. А здесь? Простой парень Страуклоо почувствует в своих руках небывалую силу. Он для меня — бесценное приобретение. Его воинская доблесть и выучка, острый ум, верность, все вместе взятое, спасало меня в критические моменты. Но достаточно ли этого, чтобы управлять планетой? Ясно же, что вооруженный мной Страуклоо разобьет всех своих противников. А дальше? Что от него ожидать? Гуманного правления? Кровавой тирании? Военных экспедиций на дикие планеты? Какой, вообще, у местных лордов стимул, чтобы сражаться между собой?

— Страуклоо, — обратился я к своему полководцу, — мне что-то непонятно, из-за чего воюет ваша знать? Никто не голодает, живете в достатке. У вас ведь даже денег нет, из-за которых можно было бы драться. В чем дело?

Страуклоо немного подумал.

— Власть, — сказал он, — власть, ощущение силы власти. И потом, возможность наслаждаться всякими редкостями в искусстве, еде, еще в чем-нибудь. Женщины, наконец. Все сразу не вспомнить. Одним словом, есть за что воевать.

Можно было догадаться, подумал я. Типичное феодальное сознание. Хотя, почему феодальное? Почему не рабовладельческое, не буржуазное, в конце концов? Обыкновенное обывательское сознание. Обывательское. И это мой друг!

Я, наверное, стал мастером по изобретению оправданий. Так и на этот раз. Что Страуклоо? Он хуже других? А абсолютная власть появилась бы так или иначе. Какая разница он, Суанмуу, Китумел или чей-нибудь сын лет этак через тридцать?

— Я, видимо, знаю, — нарушил мои мысли Страуклоо, — зачем ты меня спрашиваешь. Хочешь знать, достоин ли я править планетой после твоего ухода?

Я кивнул.

— Но ведь тебя никто не гонит. Оставайся. Будем править вместе.

Некто, бывший пару недель назад одним из четырех с лишним миллиардом... Некто, ничем не выделявшийся. Этот Некто становится правителем целой планеты. Императором, диктатором...

С безопасного расстояния превращает миллионы пленников в живых роботов... А потом, размахивая чудо-оружием, весь мир ставит на колени. Что должен испытывать Некто? Ощущения, оказавшегося на его месте Александра Македонского, Цезаря, Наполеона, великого множества коронованных и не дорвавшихся до короны особ я могу представить. А кто может представить мои ощущения? Все тираны и узурпаторы ломали себе голову, не спали ночей, водили в атаку армии под градом стрел, пуль и ядер. А я?

Власть, добытая слишком легко, не вызывает уважения даже у ее обладателя. Заслуживает ли народ Версеня такого отношения? Нет. Спокойные, трудолюбивые фермеры и драчливые, деловые торговцы люсю. Местные учителя, врачи, люди искусства, с которыми мне даже не довелось встретиться. За что я им достанусь такой? Кем и каким я был на Земле? Скучал, мечтал о жизни, полной приключений, а сам оставался жить в городском комфорте, избегал малейших жизненных осложнений. Ни к чему сейчас углубляться в дебри психоанализа, но я в роли правителя... А что, если да? Власть, сила...

Страуклоо дал мне подумать, но вмешался опять:

— Если ты вспоминаешь мои слова о власти, то не сомневайся, я не побоюсь делиться с тобой, Версени очень велик; его вполне хватит для двоих. А если что-то в местных порядках тебе не нравится — пожалуйста, меняй, экспериментировать.

Конечно, подумал я. Социальные эксперименты — мое хобби. Вызвать революцию, голод, парочку гражданских войн...

— Знаешь, Страуклоо, по-моему, говорить об этом еще рано. И знаешь, мне пришла в голову одна мысль. Мало ли, все может произойти. Подойди, посмотри мне в глаза.

Страуклоо подошел. Он двигался медленно, в глазах его читалось непонимание пополам с поднимающимся ужасом.

— Запомни, Страуклоо, — сказал я тоном заклятья, глядя в глаза товарища. — Ты никогда не будешь выполнять приказы, которые противоречат твоим желаниям.

Он облегченно вздохнул. Это была своего рода прививка от Суанмуу.

Первая волна наших летательных аппаратов обрушилась на Арсенал. Они гибли десятками, но выполняли свои задачи. Первая волна сбросила бомбы, пытаясь погасить часть прожекторов.

Вторая волна имитировала ложный прорыв. Третья волна — массированный бомбовый удар.

Затем волны уже накатывались, не переставая. Сотни летательных аппаратов, разбитые, горели на земле. Не

ПРИВЕДИТЕ КО-
МАНДУ В ПОРЯДОК!

РОЛЬФ С ОФИЦЕРОМ
УШЛИ. ОФИЦЕР ОДАЛ
КОМАНДУ ОХРАНЕ.

ВЫБРАВШИСЬ ИЗ ПОД ОБЛОЖЕК, СЕРГЕЙ
НАЧАЛ ДУМАТЬ, КАК СПАСТИСЬ, В ПЕРВУЮ
ОЧЕРЕДЬ НУЖНО БЫЛО ДОСТАТЬ СКАФАНДР.

ВОТ ЭТО МНЕ
ВПОЛНЕ
ПОДОЙДЕТ.

умолкая, стрекотали зенитки, рвались бомбы и ракеты. Пошла семнадцатая высадка десанта на правое крыло Арсенала. С восемнадцатой иду я.

ОТ ПУЛЬ и осколков меня спасла оболочка поля. Мой летательный аппарат наткнулся на пулеметную очередь, спикировал вниз и буквально развалился, едва коснувшись земли.

Я побежал. Атаки будут продолжаться не дольше десяти минут. Потом Страухлоо должен уходить. Жив или нет — не вежко. Его задача — удержаться самому. Как если бы не было ни меня, ни моего колдовства, ни чудо-оружия. Моя задача — проникнуть сквозь частично обрушенную стену в Арсенал. Дальше — по обстановке.

Я шел длинным коридором, вокруг меня, на большом расстоянии друг от друга, лежали шары, метров по пять в диаметре. Если уочнее — не совсем шары. Снизу они как бы отделились, немного сплюснулись. Или это и есть сверхоружие?

Совершенно случайно мне удалось разглядеть на одном из шаров маленькую дырочку. Подойдя к другому, я уже знал, что искать. Действительно, дырочка была и здесь. Замочная скважина?

Отверстие не поддавалось ни на какие телекинетические штучки. Что делать? Не оставаться же здесь навеки? И, демонстрируя чудеса храбрости, я засунул в дырочку палец. Наименее ценный, конечно, мизинец левой руки. Шар плотнo обтек его и несильно сжал. От мизинца по всему телу словно пробежал электрический ток. Слабый, щекочуще-приятный. Я стоял и ждал.

Отверстие начало расти. Оно освободило палец, достигло десяти сантиметров в диаметре, полуметра, метра... Рост прекратился. Я мог свободно зайти в шар.

Мне некогда было размышлять об оригинальности столь удобной отмычки. Надо лезть в дыру, лезть не хотелось, а оставаться не имело смысла. Стоит прочесать коридоры... Оболочка мгновенно закрылась. Я стоял в абсолютной темноте, чувствуя, что какая-то упругая масса со всех сторон сдавливает тело. Еще пара секунд, я полностью буду облеплен ею и задохнусь.

Вдруг масса стало мягкой, как вата, и просунувшиеся из темноты руки крепко обхватили меня.

Существа трехметрового роста, с кипично-красной кожей, гибрид: ниже пояса сумчатое кенгуру, выше кое что от человека. Лицо... Бугры, углубления, булькающая и пузырящая слизь. Что здесь, глаза, нос, рот?

Существа оказались очень сильными, и вырваться я не мог. Показав несколько пар лап надежно стаскивали меня, одно из существ выудило из брюшной сумки добротный приемопередатчик. Выдвинуло антенну, нажало кнопку. Рация зашипела, послышалась приглушенный голос. И, наконец, один громкий, знакомый. Голос Суанмуу.

— Привет, дикарь. Полночи из-за тебя не сплю. Ну, на этот раз ты попался. И даже твоё колдовство здесь не поможет. Эти очаровательные крошки с одной из диких планет

неподатливы на уловки цивилизаций. Жаль, туповаты, дрессируются только ультразвуком. Но что делать с тобой, их учить не надо. Освежают и съедят за милую душу. Уж не обессудь, но ты доставил нам так много неприятностей.

Суанмуу издал какие-то свистящие, щелкающие звуки, и очаровательные крошки потащили меня к центру Арсенала.

Я попробовал вырваться. Попробовал оглушить кенгуров полев. Попробовал нанести кинжальные удары по выступам и впадинам на черепа, по бурлящей и пузырящейся жидкости. Ничего. Мной овладел ужас. Так браво шагать от победы к победе, и вдруг... Я не хотел умирать.

От страха, от отчаяния, от предчувствия скорой смерти, не знаю от чего, но я закричал. Это был крик, это был вопль, это был вой. Кричал не разум, кричала тело, не желающее умирать. Наверное, я весь превратился в крик. Беспользанный крик, никто не мог услышать меня и спасти.

Где-то по периферии сознания прошла мысль, что хотя я и перевожу дыхание, но крик, не обрываясь, висит в воздухе. Колдовские способности вновь заявили о себе: я мог управлять звуками, не открывая рта.

Словно забавляясь последний раз в жизни, я мысленно усилил звук. Мой крик разнесся по всему Арсеналу. Я довел громкость чуть ли не до болевого предела. А мои пальцы уже сдирали с меня одежду, и сладострастно урча, готовились к совершенно каннибалистическому действию.

«Поддаются дрессировке с помощью ультразвука». — вспомнил я слова Суанмуу. А что, если...

Я стал повышать частоту звука. Вой превратился в свист — уши заожгло, но я «кнаощушь» продолжал повышать частоту. Хватка кенгуровов ослабла, они словно переглянулись (а где у них глаза?). Потом выпустили, буквально выронили меня и принялись тереть лапами головы. Я, скорее всего, употребил бы выражение «принялись чесаться».

Я был жив. Но моя жизнь зависела от чрезвычайно нематериальной вещи. От писка, который мне самому даже не был слышен.

НА КАКОЕ-ТО время кенгуровиды получили возможность контролировать свои действия и кинулись ко мне. Либо ультразвук замолк, либо я сбился с нужной частоты. С большим трудом, когда их мерзкие лапы коснулись меня, я сумел восстановить статус-кво.

Фокус с замком, как мне теперь представляется, сам по себе легко объясним. Если я могу перемещать предметы специальным полем, то почему я не могу создать благодаря тому же полю и колебания воздуха? Суанмуу явно не додумался до этого. А я, дикарь, вопящий от страха, нечаянно обнаружил, что и от крика может быть польза.

Медленно пятясь, я приближался к находящимся в центре Арсенала летательным аппаратам. Мой мозг поддерживал в воздухе беззвучный парализующий вопль.

Я мог бы улететь, но мне что-то мешало. Примерно в полукилометре от центра, упираясь в перекрытия, стоял сияющий белый столб.

Я подошел к нему.

Ровная, слегка шершавая поверхность. Теплая, упругая, словно живая. Обошел вокруг столба, осмотрел землю, из которой он рос. И понял, что я опять не один.

Это был человек той же расы, что и жители Версенна. Высокий мужчина, фигура атлетическая. За его одежду любой постановщик земных фантастических фильмов наверняка заплатил бы целое состояние. Мы стояли, изучая друг друга.

— Дикарь! Вот почему датчики трижды сработали, — сказал незнакомец. Говорил он мысленно, слова сами появились в моем мозгу.

— Что тебе здесь надо? — в мысленном голосе незнакомца звучали нотки абсолютной власти.

Я начал было говорить, но напрасно.

— Не понимаю. Говори, как я. Можешь? — прозвучал в моем мозгу приказ-вопрос.

Я попытался, но, судя по всему, безуспешно. Может, я и способен к телепатическому общению, но нужна же хоть какая-то тренировка!

— Не надо. И так все ясно, — строгий взгляд прошелся по арсеналу, отмечая следы моего пребывания на планете: растрескавшиеся от ударов бомб стены, обрушенные участки купола, покореженные шлакоблочные перегородки. — Пора отправить тебя домой, пока ты еще чего-нибудь не натворил.

Арсенал, подумал я, сюда прибывают с планеты метрополи. Здесь же должен быть передатчик материи!

И тут размышления оборвались. И осталось только пожалеть мою бедную головушку. Опять по ней!

НА РАБОТЕ уже начал забываться скандал из-за неожиданного длительного прогула. Соседи по коммуналке, к счастью, не забеспокоились, и мне не пришлось объяснять свое отсутствие перед милицией. Родители, живущие в ругом городе, пожурили за редкие письма. Вот вроде и все последствия. Сам я постепенно начал уже забывать отдельные детали своих приключений.

Но однажды вечером в дверь позвонили. Три звонка. Мне. Удивившись (гостей не предполагалось), я открыл. На пороге стояла очень красивая девушка. Блондинка с большими каими глазами. Обидно будет, когда выяснится, что она просто ошиблась адресом.

— Да, это вы, — сказала она. — Можно войти?

— Конечно, хотя вот что-то не могу... — начал было я, но девушка перебила:

— Может, пройдем туда, где вы живете?

Меня все это несколько удивило, но я провел незнакомку в свою комнату.

— Вас нелегко было найти, — сказала девушка. — Ведь это вы хулиганили на Версенне?

Мышцы напряглись, тело приготовилось к прыжку, но в руках посетительницы не появилось оружия. Кто ее послал? Кинтумел? Суанмуу? Или Страуклоо? Черты лица абсолютно земные.

— Я с планеты-метрополи, опекающей Версенну. Мы ра-

зобрали ваши действия. Примерно сорок процентов землян могут работать с полями управления. Вам повезло, оказались из их числа. Но дело не в случайном везении. Оценив provedенные вами операции, мы не обнаружили ни одной ошибки. Даже самой малюнькой.

Молодец Страуклоо, подумал я, хорошо же они разобрались, если не поняли, чьих это рук дело.

Девушка между тем продолжала:

— Даже профессиональный военный, очутившись в абсолютно чужой ему обстановке, не смог бы так быстро сориентироваться. Вы доказали свою талантливость, психическую устойчивость, неболтливость по возвращении на Землю. Поэтому мы хотели бы предложить вам работу. Она связана с войной. Мы знаем, что на вашей планете существует род деятельности, аналогично предлагаемой. Некие наемники. Так что ваша мораль, как землянина, не пострадает.

Моралисты чертовы, подумал я. Что за чушь! Герой галактики, гроза космических проходимцев... Они что, считают меня способным стать наемным убийцей?

— Что же вы хотите?

— Речь идет о дикой планете, — начала объяснять девушка. — Там очень сложная ситуация. Человек со стороны, да еще с вашим талантом, может сделать многое. Конечно, будет несколько опасней, чем на Версенне, нет полей управления, но...

Несколько опасней? Я вспомнил: подземелье Арсенала, ужас, пузырящиеся личины кенгуроидов...

— А почему вы сами не наведете порядок?

— Научная школа, чей цикл правления недавно начался, против любого вмешательства. Их гуманизм перехлестывает разумные пределы. Представляю, как вы были разочарованы, когда их эмиссар вернул вас на землю!

Чума на обе ваши школы, подумал я. Это это была разочарован?

— Не могу ничем помочь. Вы ошиблись адресом. Я совершенно не способен воевать. И вообще, трус по натуре. Кроме того, дел с вами иметь не хочу.

— Поймите меня правильно. На Версенне вы дрались за свою собственную жизнь, а сейчас вам представляется возможность спасти от верной смерти десятки миллионов людей. Неужели их судьба вам безразлична?

Перед взором моим встали расщепленные пулеметным огнем остовы летательных аппаратов, выжженные напалмом долины, груды дымящихся трупов у развалин замка...

Я молча покачал головой.

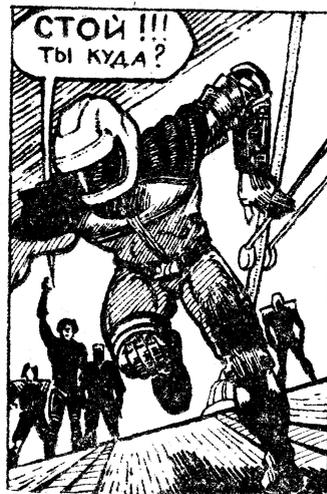
Инопланетная заказчица повернулась и пошла к двери.

— Скажите, а как вам Страуклоо? — вырвалось вдруг позадавая догадка.

Девушка ничего не ответила. Наверное, обиделась.

Я запер дверь квартиры. Дважды повернул ключ в дверях своей комнаты. Засунул ключ в карман куртки и застегнул карман на «молнию». Повесил куртку в шкаф и запер дверь. И тут мне захотелось помыть руки.

[Публикуется в сокращении]

ВИНО И ПЕСОК

МАКС БЭНА

Дик Дюран не торопился. Только жажда в какой-то степени подгоняла его, но даже она был скорее приятной, ибо Дюран знал, что до ранчо Тони, где он наверняка найдет массу холодной воды, оставалось не больше десяти минут езды. Да, спешить некуда. В запасе у него не меньше суток, потому что труп обнаружат только утром, да и потом пройдет еще несколько часов, прежде чем шериф соберет людей для погони. Впрочем, этот мидот может попытаться догнать Дика в одиночку, чтобы сэкономить время. Что ж, тем хуже для него.

Час назад ранчо Тони с огромной ветряной мельницей посреди огороженного проволокой участка появилось на горизонте, но виноградника Дюран пока не видел, потому что тот находился в неглубокой ложинке за холмом. Тони специально посадил его пониже, чтобы собрать как можно больше воды в сезон дождей. Просачиваясь сквозь песок и мелкий гравий, вода проникала в глиняный пласт и надолго задерживалась там. К середине лета колодец Тони высыхал, но задолго до этого фермер наполнял водой огромные железные баки, стоявшие во дворе, и через систему самодельных трубопроводов орошал свои, можно сказать, виноградники.

Дюран вожделем посмотрел в сторону двадцати огромных черных баков с водой и, прищипнув мула, въехал в ворота. Окружавший маленькое патно забор был увит виноградными лозами, и от этого воздух здесь казался тягучим и спадким.

— Тони! — крикнул он.

Вдалеке послышался приглушенный удивленный возглас, и спустя несколько минут до Дюрана долетел знакомый звук: стук деревянной ноги хозяина ранчо. Дюран усмехнулся.

Тони вошел и остановился в дальнем конце патно.

— Дик! — вскричал он, и его большие губы растянулись в приветливой улыбке. — Старина Дик! Сколько лет, сколько зим. Господи, вот бы Джулия обрадовалась!

— Разве ее нет! — быстро спросил Дюран.

— Она в Ногалесе, — ответил Тони. — Тут становится слишком жарко, и я заставил ее уехать.

— Напомни моего мула, Тони!

— Что за вопрос!

Дюран увидел в углу у стены большой гамак, лег в него и посмотрел на запад, где алое солнце медленно садилось за линию горизонта, окрашивая облака поднимающейся над пустыней пыли в цвет разбавленной водой крови. Теперь, когда жажда больше не мучила его, Дюран почувствовал, что голоден, и улыбнулся, услышав доносившееся из кухни шипение кипящего масла. Это Тони принялся за стряпню.

— Что ты больше всего хочешь, Дик! — прокричал он. — У меня свинина и фасоль. И еще много вина. И черепаха. Даже Джулия не умеет готовить черепах, как я. А еще у меня молоденький кролик.

— Ты поймал его в силки! — лениво спросил Дюран.

— Нет, я охочусь на них с винтовкой.

— С винтовкой! Почему!

— Здесь нет другого ружья, а в силках я нахожу их ужедохлыми. С мсей ногой, сам понимаешь, не больно разбежишься. Зато стрелять я наловчился так, что любой позавидует: точно между глаз.

— Молодчина, — похвалил его Дюран.

Скоро Тони начал вносить блюда и ставить их на маленький деревянный стол в патно. Стемнело. Лампа на стене дома опоясывала стол с ужином ровным световым кругом. Мужчины ели с аппетитом. Тони умел стряпать и знал, что стакан гостя никогда не должен быть пустым.

— Это хорошее вино, — сказал он, не без усилия поднимая огромную стеклянную бутылку. — Его делал еще мой отец одиннадцать лет назад. Посмотри сквозь него на свет, Дик. Видишь, коричневый оттенок! Это из-за него вино такое мягкое, будто жидкий бархат. Мой отец был великим виноделом, старик.

— Как он погиб! — спросил Дюран.

— Его убила пустыня. — сокрушенно вздохнув, ответил Тони. — Дырка во фляге... Он умер в каких-нибудь пяти милях отсюда.

— В пяти милях! — переспросил потрясенный Дюран. — Но это же всего час езды. Боже праведный! Упасть и умереть всего в пяти милях от воды!

— Нет, — произнес Тони, — от жажды умирают не так. Сперва срывают одежду: чтобы было попрохладней, и солнце начинает жечь голое тело. А потом приходит мысль, что до воды можно добраться, если вырыть яму поглубже, и человек принимается копать. Пыль забивает ему рот, мешает дышать, но он все копает, и тихонько постанывает, и рычит от отчаяния и страха. В конце концов он измочаливает ладони, сдирает мясо до самых костей...

— Откуда ты знаешь, что умирающие от жажды стонут! — спросил Дюран.

— Когда находишь покойника в песках, у него такое выражение лица... Сразу видно, что человек стонал перед смертью. Выпей еще вина, Дик, и забудь об этом.

В моем доме можно ничего не бояться. Отец научил меня держать пустыню в руках, и у меня с ней разговор короткий. Ведь правда, мы тут хорошо живем, а! Как ты думаешь, Дик!

— Очень хорошо, Тони, — произнес Дюран, расстегивая воротник рубахи.

Дюран спал как убитый и проснулся только на рассвете, когда недалеко от ранчо прогремел ружейный выстрел. Поднявшись, он увидел входившего в патио Тони, который держал за уши только что застрелянного кролика.

— Ну вот, — весело объявил Тони, — наш завтрак как раз пробежал мимо, и я не мог упустить такого шанса.

Дюран внимательно осматривал убитого зверька. Кролик был жирный и еще теплый. Отверстие, пробитое пулей, выходило точно между глаз.

Гость тщательно умылся, чувствуя, что накопившегося в его теле запаса прохлады хватит на весь день, а хозяин тем временем приготовил великолепный завтрак: тушеный кролик с зеленым перцем и оладьи с кофе.

— Можно взглянуть на твою винтовку, Тони! — попросил Дюран.

— Взгляни, — отвечал хозяин, — только не слугки духа, который в ней живет. Он принесит мне удачу.

Дюран усмехнулся и взял стоявший в углу пятнадцатизарядный «винчестер».

— Патроны есть!

— Разумеется. Я всегда набиваю полный магазин, как только прихожу с охоты.

— Давай-ка прогуляемся, Тони, — неожиданно предложил Дюран и направился к воротам. Удивленный, Тони последовал за ним. Они остановились за окружающим патио забором.

— Тони, — сказал Дюран, опустив глаза, — я подлец. Я вынужден быть им. Прости меня, Тони, и стань в стороне, чтобы я мог тебя видеть. Не пытайся приблизиться и выслушай меня внимательно. Сегодня здесь проседет шериф со своей сворой. Он ищет меня. Ему понадобится вода, и он возьмет ее из твоих баков, а потом пойдет по моему следу дальше. Надо сделать так, чтобы он не нашел здесь воды.

— Что ты натворил, Дик! — испуганно спросил Тони.

— Шериф не должен найти тут воду, — повторил Дюран.

Он вскинул ружье и выстрелил. Пуля пробила стенку ближайшего бака возле самого дна, и через ровное отверстие ровной струей забила вода. Тони упал на колени.

— Нет! — закричал он, ломая руки. — Нет, Дик, не надо, умоляю тебя! Ты уже убьешь мой виноград, и тогда я тоже умру. Я не переживу этого, Дик!

— Заткнись, — процедил Дюран.

Тони упал в песок и зажал ладонями уши, а Дюран методично продырявил все двадцать баков, после чего оперся на ружье и приказал:

— Ступай в дом и наполни мою флягу водой из кушина.

Тони поднялся, дрожащей рукой взял флягу и заковылял к дому. По его загорелому лицу текли слезы.

Дюран оседлал мула, переложил ружье в левую руку и вытащил из кобуры тяжелый «кольт». Тони, все еще плача, выбрался из дома и с опущенной головой побрел в его сторону. Дюран поднял револьвер, но хозяин ранчо безропотно отдал ему полную флягу и сразу же отвернулся.

— Твоя беда в том, что ты трапка, Тони, — сказал он, — если бы что-нибудь подобное попытались проделывать со мной, я был бы беспощаден.

Тони, казалось, не слышал его. Он вытянул руку в сторону виноградики и тихо спросил:

— Неужели ты хочешь, чтобы мои лозы зачахли, Дик!

Дюран лишь пожал плечами, приторочил к седлу флягу и ружье, сел на своего мула и направил его в сторону протоптанной путешественниками и койстами тропы. Проехав с полмили, он швырнул в песок винтовку. Враг Дика с его деревянной ногой подберет ее раньше, чем через час.

Удалившись от ранчо еще мили на полторы, Дюран обернулся. Тони все-таки пошел за ружьем. Он стоял посреди пустыни, сжимая в ладони винтовку и пристально глядя вслед своему удаляющемуся гостю.

Он посмотрел вдоль тропы и невольно содрогнулся. По сторонам на песке валялись кости. Они вытянулись зловещей белой линией, уходящей в сторону маячивших на горизонте высоких голубых гор. Завтра утром он доберется до них, и опасность останется позади...

Выскочивший из-за низкого холмика койот серым комком шмыгнул через тропу. Дюран рывком осадил мула и задрожал, почувствовав, как мгновенно пересохло горло. Он снял с седла флягу и ощутил исходящий от нее слабый запах гнили. Видимо, мешковина, которой ее обтянули, состарилась и начала разрушаться. Дюран отвинтил крышку и, прижав губами к горлышку, втянул в себя сладкую, густую и теплую жидкость прежде, чем обняние успело предупредить его об опасности.

Во фляге было вино!

— Так мне и надо, — пробормотал Дюран. — Я должен был сам наполнить флягу. Так мне, дураку, и надо!

Чудовищным напряжением воли он подавил начавший охватывать его страх и поехал дальше. Теперь он не прикаснется к фляге до полудня, а в полдень сделает один маленький глоток и будет терпеть до вечера.

Он взглянул на часы. Десять утра. Господи, только десять утра, а ему казалось, что полдень уже давно наступил! Дюран отстегнул флягу и начал пить. Он пил долго и жадно, пил до тех пор, пока фляга в его руке не стала пугающе легкой. На какое-то мгновение он подумал о возвращении к Тони и даже развернул мула, но тут перед его мысленным взором снова встала пробитая

Между тем в кают-компании, где шло совещание, творилось непонятно что.

ЕСЛИ Б Я ЗНАЛ!

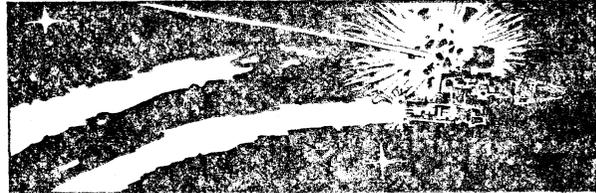

ЧТО ЭТО ЗА ВЫХОДКИ, РОДЬ?

БА! Я УМОДРАЩИЛСЯ УБИТЬ КОРАБЛЬ ВМЕСТЕ С ПАССАЖИРАМИ. СРОЧНО БЛОКИРУЮ ВХОД В РУБКУ.

БРОСИВ ВЗГЛЯД НА ОДИН ИЗ ЭКРАНОВ ПУЛЬТА, СЕРГЕЙ УВИДЕЛ, ЧТО В КАЮТ-КОМПАНИИ СИДЯТ ЛЮДИ. СРЕДИ НИХ ОН УЗНАЛ КРОНА.

голова кролика, и Дюран понял, что путь назад для него закрыт. Тонн не простит загубленного виноградника.

Он снова посмотрел на горы, и его пересохшее горло судорожно дернулось от страха — так они были далеки.

День кончался. Желудок Дюрана уже давно свело тяжелой ноющей болью. Посмотрев на свои ноги, он увидел, что они красны от крови. Оказывается, все это время он отчаянно прищипривал своего мула, и теперь пасту животного была широко разинута, а язык вывалился на добрый фут. Дюран остановил мула и спешился.

— Эта тварь умрет, — тупо пробормотал он. — Боже, какой же я осел...

Мул сдох после захода солнца. Дюран бросил рядом с трупом животного все свои пожитки, кроме револьвера, но через час, когда у него начали подкашиваться ноги, тяжелый «кольт» тоже полетел в песок. Посмотрев на него, Дик увидел звезды, ясные и чистые, но потом иссиня-черный небосвод заволокли рваные тучи, и вокруг стало темно, как в могиле.

Дюран лег на землю, закрыл глаза и попытался унять сотрясающую его тело дрожь, но ничего не получилось, и тогда он заставил себя подняться и пошел, спотыкаясь, дальше. Иногда он вдруг с удивлением обнаруживал, что бежит.

Прежде чем умереть от жажды, человек сходит с ума. Дюран помнил об этом. Его пересохший язык казался огромным и тяжелым, мешал дышать. Дюран пожалел, что у него нет ножа, и он не может отрезать этот язык, пустить кровь и напиться ею. Но потом он вспомнил, что кровь соленая. И еще он вспомнил, как когда-то проезжал вместе с отцом мимо большого горного озера и видел миллиарды тонн глубокой, чистой, холодной, как снег, воды.

Дюран сорвал рубаху и поплелся дальше, спотыкаясь о камни, не зная, куда идет и где теперь горы, в которых его ждало спасение. Потом он упал и не мог больше встать, загнипнетизированный шумом, в котором ему слышалось журчание бегущей воды. Это шуршал по холмам перегоняемый ветром мелкий песок. И вдруг он понял, что вода здесь, рядом, что надо только выкопать глубокую яму и достать ее...

Ломая ногти, сдирая кожу и мясо до самых костей. Дюран принялся разгребать руками красный песок...

Много часов спустя хлынул дождь. Сначала послышался тихий шорох, потом ровное журчание, в котором потонул мягкий стук отдельных капель, и, наконец, разразился настоящий ливень, с громом и яркой молнией. Вода текла по пустыне, неся грязь и песок, мокрая ночная мгла казалась теперь еще более непроницаемой, чем даже несмотря на плотную, монолитную стену дождя, отвратительные черные птицы с голыми розовыми шеями, благодаря врожденной способности находить падаль, безошибочно определяли место своего очередного пиршества.

Валерий БРЮСОВ

Одиссей

Певцами всей земли прославлен
Я, хитроумный Одиссей,
Но дух мой темен и отравлен,
И в памяти гнездится змей.

Я помню день — как щит лазурный,
И зелень волн, и белесть пен,
Когда стремил нас ветер безбурный
К нагому острову сирен.

Их угадав на камне плоском
И различив прибрежный гул, —
В руках согретым мягким воском
Я слух товарищей замкнул.

Себя же к мачте корабельной
Я дал покорно привязать,
Чтоб песни лирной и свирельной
Соблазн опасный испытать.

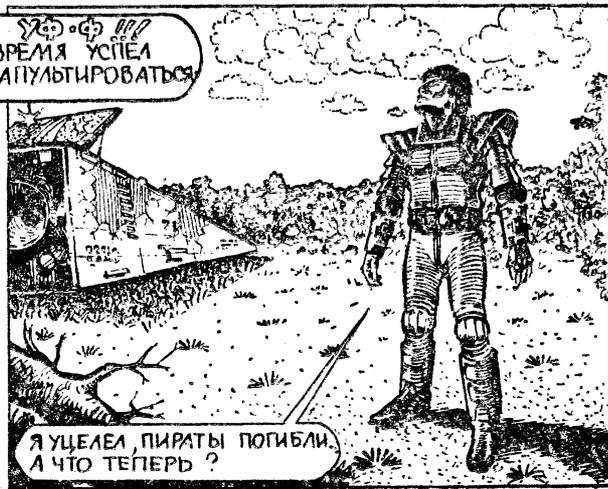
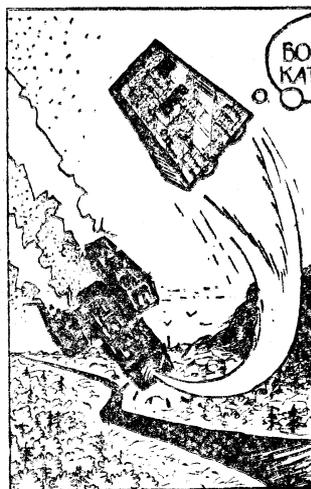
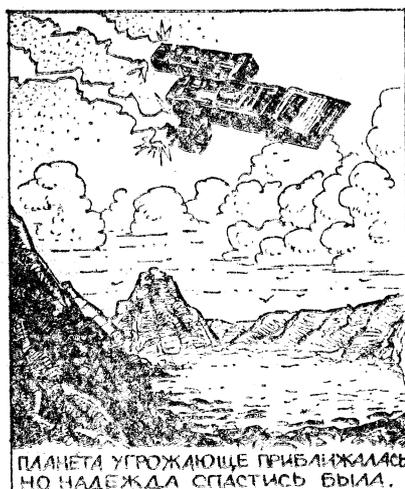
И все мечта предугадала!
Когда в тиши морских пустынь,
Вонзая сладостные жала,
Песнь разлилась полубогинь.

Вдруг уязвленный мукой страстной,
С одной мечтой — спешить на зов,
Из тесных уз рвался напрасно
Я, доброволец меж рабов!

И наш корабль пронесся мимо,
Сирены скрылись вдалеке,
Их чар избег я невредимом...
Но нет конца моей тоске!

Зачем я был спокойно-мудрым.
Провидел тайны вод седых.
Не вышел к девам темнокудрым
И не погиб в объятьях их!

Чтоб вновь изведать той отравы,
Вернуть событий колесо,
Я отдал бы и гланы славы,
И честь, и ложе Калипсо!
(1907 г.)

ФИЛИП
К. ДИК

О, СЧАСТЬЕ БЫТЬ БЛОБЕЛОМ!

Художник С. ГРИГОРЬИН.

Он сунул в щель двадцатидолларовую платиновую монету, и спустя мгновение психоаналитик включился. Его глаза изучали сочувствие.

— Доброе утро, сэр. Можете начинать.

— Здравствуйте, доктор Джонс. Я полагаю, что вы не тот самый доктор Джонс, который написал биографию Фрейда; это случилось лет сто назад. — Человек нервно рассмеялся. По натуре он был нелюбопытен и не привык иметь дело с новейшими человекоподобными андроидами. — Скажите, должен ли я изложить свое дело в манере свободных ассоциаций, или осветить его более фундаментально, или же...

Доктор Джонс сказал:

— Для начала вы могли бы сообщить мне, кто вы такой; а затем — для чего явились ко мне.

— Мое имя — Джордж Мюнстер; живу в Сан-Франциско, блок ВЕФ-395, помещение 4.

— Рад познакомиться с вами, мистер Мюнстер. — Доктор Джонс протянул руку, и Джордж Мюнстер пожал ее. Он нашел, что рука у доктора мягкая и имеет обычную температуру человеческого тела. Пожалте, однако, было крепким.

— Видите ли, — вновь заговорил Мюнстер, — я — бывший солдат, ветеран войны. Вот почему мне предоставили квартиру в жилом блоке ВЕФ-395. Привилегия ветерана.

— О, да, — сказал доктор Джонс, негромко тикая, как будто в него были встроены часы, отмеряющие время. — Война с бобами.

— Я сражался три года. — Мюнстер нервно пригладил свои длинные черные волосы. — Я ненавидел бобелов и пошел добровольцем. Мне было всего девятнадцать, я имел хорошую работу — но отправился в этот крестовый поход, чтобы очистить от бобелов Солнечную систему.

— Ну, что ж, — промолвил доктор Джонс, поткивая и кивая головой.

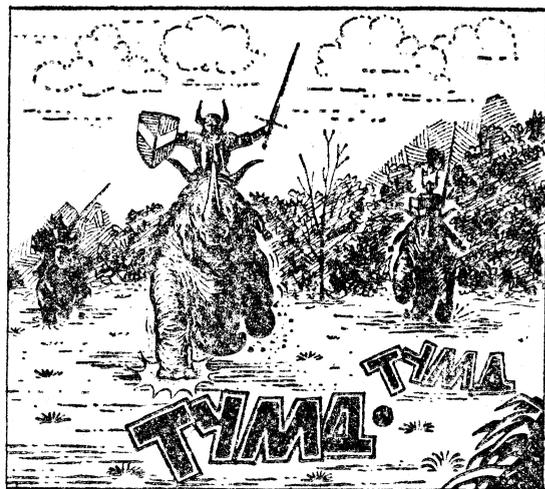
Джордж Мюнстер вздохнул и продолжал свою исповедь.

— Я сражался хорошо. Получил два знака отличия и нашивки. Капральские. За то, что одним попаданием уничтожил спутник-наблюдатель, полный бобелов. Мы, конечно, никогда не знали, сколько их там, этих бобелов. Они, знаете ли, любят сливаться вместе и перепутываться. — Мюнстер, не справившись с волнением, прервал рассказ. Ему было тяжело вспомнить о войне. Откинулся на спинку кресла, зажег сигарету и попытался успокоиться.

Бобелы — пришельцы из другой звездной системы, вероятно, с Проксимы Центавра. Несколько тысячелетий назад они основали поселения на Марсе и Титане, спутнике Сатурна, планетах, подходящих для занятий сельским хозяйством, — в том смысле, конечно, как это понимали бобелы. Их раса развилась из одноклеточных амебоподобных организмов. Хотя бобелы достигли больших размеров и обладали высокоорганизованной нервной системой, в физиологическом отношении они оставались амёбами — с псевдопотиями-щупальцами и примитивным способом воспроизводства путем деления на две части. Эти бобелы и стали главным препятствием на пути земных поселенцев, устремившихся в межпланетное пространство.

Война вспыхнула по экологическим причинам. Правительство Объединенных Наций Земли приступило к изменению марсианской атмосферы, чтобы сделать планету более пригодной для колонизации. Изменение атмосферы, однако, угрожало существованию поселений бобелов, располагавшихся на Марсе. Последовала ссора.

Естественно, невозможно изменить атмосферу только на территории Марса, принадлежащей по договору землянам. Спустя какое-то время изменения затронули бы всю планету и причинили бы бобелам, по их утверждению, жестокие страдания. Не долго думая, инопланетные коло-

нысты вывели на орбиту Земли множество автоматических станций, явно покушавшихся на нашу экологию. Правительство приняло меры — в дело пошли самонаводящиеся ракеты. И война началась.

Доктор Джонс спросил:

— Вы женаты, мистер Мюнстер?

— Нет, сэр. И... — Мюнстер пожал плечами, — вы узнаете почему, когда я закончу рассказ. Доктор, я буду с вами полностью откровенен. Я... я был земным разведчиком. Шпионом... Я был смел и не задавал лишних вопросов. Я выполнял свою задачу.

— Я понимаю.

— Вы понимаете! — голос Мюнстера задрожал. — Вы знаете, какие приходилось принимать меры, чтобы человек мог стать шпионом в мире блобелов!

Кивнув, доктор Джонс сказал:

— Да, мистер Мюнстер. Вы расстались с человеческим телом и были преобразованы в форму блобела.

Мюнстер ничего не ответил; он только судорожно стиснул кулаки. Сидевший напротив доктор Джонс продолжал издавать мерное тиканье.

ВЕЧЕРОМ, в своей маленькой квартире в блоке ВЕФ-395, Мюнстер откупорил пятую бутылку. Он пил виски прямо из горлышка; у него не хватало сил, чтобы достать стакан с полки над раковиной.

Что же дало посещение доктора Джонса? Ничего, ничего... кроме зияющей брешн в его скудных финансовых ресурсах... скудных потому, что...

Потому что почти на двенадцать часов каждый день он снова приобретал облик военных времен, облик блобела — несмотря на свои отчаянные усилия и старания врачей из Госпиталя Ветеранов Войны. Мюнстер превращался в бесформенного блоба прямо в собственной квартире, в блоке ВЕФ-395.

Финансовым источником его существования являлась только небольшая пенсия, выплачиваемая Военным Министерством. Он не мог устроиться на работу. Даже если бы нашел место, испытывает при этом нервное напряжение точно же преобразовало бы его организм — прямо перед глазами нанимателя и будущих коллег.

Около восьми вечера он почувствовал, что скоро начнется преобразование. Это ощущение было давним и хорошо знакомым; он ненавидел его. Торопясь, Мюнстер отхлебнул последний глоток, поставил бутылку на стол... и понял, что соскальзывает куда-то вниз, расплываясь по полу в виде лужи из вязкой однородной субстанции.

В это мгновение зазвонил телефон.

— Я не могу ответить, — с усилием пробормотала субстанция. Чувствительный аппарат подхватил ее слова и передал абоненту. Тем временем Мюнстер превратился в прозрачную желатинообразную массу, слабо колыхавшуюся посередине ковра. Телефон зазвонил снова, и блоб, пузырясь от ярости, потек к аппарату. Неужели

его не оставят в покое! Хватит хлопот и без этого немолчаливого перезвона!

Добравшись до телефона, блоб вытянул щупальца и ухватился за трубку. С огромным усилением он сформировал из своей пластичной субстанции речевой орган.

— Я занят, — глухо пробормотал в микрофон, — позвоните позднее. Лучше всего — завтра утром — и уже повесьте трубку, мысленно закончил. — «Когда я вернусь к человеческому обличению».

В квартире стало тихо.

Вдыхая про себя, Мюнстер пополз по ковру к окну и по специально изготовленной лесенке со множеством низких ступенек взобрался на подоконник, с которого привык обозревать окрестности. На внешней поверхности его тела находились световоспринимающие точки, и хотя им было далеко до настоящих глаз, он мог различить пятно Сан-Францисского залива, Золотые ворота и темный клочок суши адали — остров Алькатраз.

«Дьявол меня поберит! — горько думал блоб. — Я не могу жениться, не могу вести нормальное человеческое существование. Я превращаюсь в эту мерзкую тварь — и словно опять оказываюсь в прошлом, когда шла война...»

В тот период, готовясь выполнить порученную миссию, он и представить себе не мог подобных последствий. Проклятые спец! Они заверяли, что все их биологическое исправленчество «только временно, с целью маскировки», болтали что-то глупое и обтекаемое. А вот теперь сиди, глупей и обтекай! Временно! С тех пор прошло одиннадцать лет. Психика — ни к черту! Поневоле потащиться к этому механическому хмырю, доктору Джонсу!

Телефон зазвонил опять.

— О'кей, — сказал Мюнстер вслух и перетек обратно через комнату. — Ты рвешься поболтать со мной! Ну что ж, давай! Я даже поверну вниз гляделку, чтобы ты тоже мог посмотреть на меня. — Блоб нажал кнопку видеотрансляции и наклонил трубку монитора, распластав свое аморфное тело перед телевизионным глазом. Любуйся на здоровье!

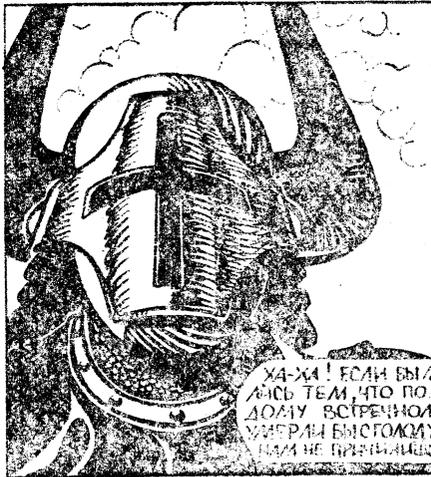
Трубка отреагировала голосом доктора Джонса.

— Я прошу извинить меня, что беспокою вас, мистер Мюнстер, особенно, когда вы в таком... затруднительном положении, — кибернетический психоаналитик сделал паузу. — Но я посвятил некоторое время изучению вашей проблемы. И нашел, как минимум, частичное решение.

— Что! — вскричал изумленный Мюнстер. — Вы имеете в виду, что эта проклятая медицина уже способна...

— Нет, нет, — сказал доктор Джонс торопливо. — Физиологические аспекты лежат вне сферы моих интересов; вы должны это хорошо запомнить, мистер Мюнстер. Когда вы консультировались у меня по поводу ваших проблем, речь шла о психологическом адаптировании, которое...

— Джонс, — с отчаянием сказал Мюнстер, — вы же видите, в каком я положении. И должен сидеть тут, как

как приклеенный, с восьми вечера и до восьми утра, пока...
— Успокойтесь, сэр. Я как раз пытаюсь вам кое-что объяснить. Известно ли вам, что не вы один испытываете подобные затруднения!

— Конечно, — сказал Мюнстер. — В течение войны восемьдесят три человека в то или иное время были преобразованы в форму блобелов. Из них в живых остался шестьдесят один; пятьдесят организовали Клуб ветеранов-разведчиков, членом которого я являюсь. Мы собираемся дважды в месяц... — блоб поднял трубку, чтобы повесить ее на место. Итак, вот за что заплачены деньги — за давно известные, бесполезные вещи. — Прощайте, доктор Джонс.

Психоаналитик затикал от нетерпения.

— Постойте, мистер Мюнстер! Я не имел ввиду других землян. Я обнаружил в библиотеке Конгресса записки, датированные во время войны документы, согласно которым пятнадцать блобелов были трансформированы в псевдолюдей, чтобы вести разведывательную деятельность на Земле. Вы понимаете?

Задумавшись на мгновение, Мюнстер неуверенно произнес:

— Не совсем...

— Ну что ж, мистер Мюнстер, тогда мы обсудим возможное решение вашей проблемы завтра, в одиннадцать утра, в моем кабинете. Доброй ночи.

— Когда я нахожусь в теле блобела, доктор, я плохо соображаю, — устало проговорил Мюнстер и повесил трубку. По Земле разгуливают пятнадцать блобелов, заключенных в человеческие тела. Ну и что с того! Какое ему до них дело!

Мюнстер, неуклюже отлепляя от ковра застывшее под вечер желе, прошлепал в прихожую и улегся на резиновый коврик у дверей. За одиннадцать нелепых лет он так и не научился осквернять человеческую постель присутствием богомерзского тела блобела. Засыпая, он отстраненно подумал, что завтра, в одиннадцать, узнает ответ.

КОГДА Мюнстер вошел в приемную доктора Джонса, он увидел чрезвычайно привлекательную молоденькую девушку, сидевшую в глубоком кресле возле торшера, изображавшего статую Фортуны.

Почти автоматически Мюнстер расположился напротив; со своего места он мог хорошо рассмотреть ее. Волосы, окрашенные в модный цвет седины. Стройные ноги, округленные колени и локти, черты лица — четкие и красивые, в глазах светится ум. Прелестная девушка, решил он, люблюсь незнакомкой... И в этот момент она подняла голову и одарила его ледяным взглядом.

— Как скучно ждать, — промямлил Мюнстер, пытаясь завязать разговор.

— Вы часто приходите к доктору Джонсу? — спросила девушка.

— Нет. Только второй раз.

— Я раньше никогда здесь не была, — сказала девушка. — Я посещаю другого кибернетического психоаналитика в Лос-Анжелесе. Вчера вечером доктор Бинг, мой психоаналитик, позвонил мне и попросил прилететь сюда и повидаться утром с доктором Джонсом. Возможно, у нас с вами одно дело!

— Ммм... Вполне возможно, — промычала Мюнстер. «Там будет видно». — подумал он про себя, не имея ни малейшего понятия о замыслах Джонса.

Дверь в кабинет открылась, и на пороге появился доктор.

— Мисс Эрсмит, — сказал он, кивнув девушке. — Мистер Мюнстер, — кивок в сторону Джорджа. — Не могли бы вы пройти ко мне вместе!

Поднявшись на ноги, мисс Эрсмит спросила:

— Но кто же из нас должен заплатить двадцать долларов!

Доктор не ответил и, повернувшись к посетителям спиной, ушел в кабинет.

— Я заплачу, — сказала мисс Эрсмит, раскрывая свою сумочку.

— Нет, нет, — запротестовал Мюнстер. — Позвольте мне.

Он достал двадцатидолларовую монету и опустил ее в щель.

— Вы — джентльмен, мистер Мюнстер, — улыбаясь доктор Джонс. — Садитесь, пожалуйста. Мисс Эрсмит, позвольте мне без предисловий объяснить мистеру Мюнстеру положение, в котором вы оказались. Дело в том, что мисс Эрсмит — блобел.

Мюнстер пораженно уставился на девушку.

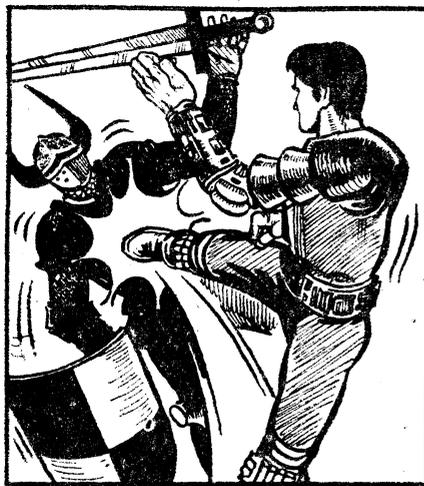
— Как вы понимаете, — продолжал доктор Джонс, — сейчас она находится в человеческой форме, которую принимает в результате вынужденного преобразования. Во время войны она проводила операции на земных транспортных линиях, являясь разведчиком блобелов. Ее захватили в плен, но когда война закончилась, мисс Эрсмит получила свободу.

— Они отпустили меня, — сказала девушка тихим, напряженным голосом. — Но я осталась здесь, потому что... мне стыдно. Я не могу вернуться на Титан в таком жутком виде...

— Оказаться в подобном положении — большой позор для любого блобела высокой касты, — прокомментировал доктор Джонс.

Мисс Эрсмит кивнула. Она сидела, судорожно комкая крошечный носовой платок, и изо всех сил старалась выглядеть спокойной.

— Вы правы, доктор. Я проконсультировалась с лучшими медиками Земли, Марса и Титана. После длительного и дорогостоящего лечения им удалось вернуть мне естественный облик на шесть часов в сутки. Но остальные восемнадцать... я такова, какой вы меня видите. — Она

СТАКИ ПРОТЪВНИКОМ, КАК ХОСТ
МНОГОГО, СЕРЦЕЮ ЕЩЕ НЕ
ПРИХОДИЛОСЬ ВСТРЕЧАТЬСЯ.

склонила голову и приложила платочек к глазам.

— Но вам очень повезло! — запротестовал Мюнстер. — Человеческая форма бесконечно превосходит форму блобела. Мне ли это не знать! В облике блобела вы способны только ползать. Вы похожи на огромную медузу — без скелета, не способную встать вертикально. И это деление пополам — мерзость, я говорю вам, настоящая мерзость по сравнению с человеческим способом... ну, вы знаете, размножения. — Мистер Мюнстер покраснел.

Доктор Джонс затикал и сообщил своим пациентам:

— Примерно шесть часов в сутки вы оба одновременно сохраняете человеческую форму. И, кроме того, один час вы находитесь вместе в форме блобела. Итак, в вашем распоряжении семь часов, в течение которых вы находитесь в одинаковом состоянии. По моему мнению, — он поиграл своей авторучкой, — семь часов — не так плохо, если вы сумеете правильно распорядиться своим временем.

После краткого замешательства мисс Эрсмит сказала:

— Но... но мистер Мюнстер и я являлись врагами...

— Это было так давно! — пылко заверил ее Мюнстер.

— Правильно, — согласился доктор Джонс. — Правда, мисс Эрсмит относится к блобелам, а вы, мистер Мюнстер, — к человеческой расе. Но, по сути дела, вы оба не принадлежите к какой-либо цивилизации. Вы оба — отщепенцы, которых ждет потеря собственной индивидуальности. Я предвижу, что ваша психологическая неустойчивость в конце концов может вылиться в тяжелую душевную болезнь. Так будет, если вы не сумеете наладить отношений и поддерживать друг друга. — Тиканье прекратилось, и психоаналитик замер в молчании.

— Я думаю, нам очень повезло, мистер Мюнстер, — мягко сказала мисс Эрсмит. — Как сказал доктор Джонс, наши состояния совпадают целых семь часов в день... И мы можем проводить это время вместе, не страдая больше от одиночества.

Девушка с надеждой улыбнулась Джорджу и распахнула свое пальто. Несомненно, она обладала превосходной фигурой; короткое, облегчающее платье позволяло продемонстрировать это с полной открытостью.

Изучая ее, Мюнстер раздумывал.

— Дайте ему время, — неожиданно сказал доктор Джонс, обращаясь к мисс Эрсмит. — Я уверен, что он сделает правильный выбор.

Стоя в распахнутом пальто, опустив взгляд своих больших темных глаз, мисс Эрсмит ждала.

КАК-ТО, спустя несколько лет, в кабинете доктора Джонса раздался телефонный звонок. Психоаналитик снял трубку и произнес дежурную фразу:

— Добрый день, сэр или мадам. Беседа со мной будет стоить вам двадцать долларов.

ЕСЛИ БУДЕШЬ СЕБЯ ПЛОХО ВЕСТИ, ТО ПРОСТИШЬСЯ С ЖИЗНЬЮ ПОНЯЯ!

СЕРГЕЙ ОКАЗАЛСЯ СРЕДИ НЕСЧАСТНЫХ, КОТОРЫХ ВЕЛИ ПРОДАВАТЬ В РАБСТВО.

Клуб ветеранов-разведчиков располагался в дряхлом строении, доставшемся окраине Лос-Анжелеса в наследство от двадцатого века и давно нуждавшемся в ремонте. Клуб не имел больших капиталов, так как большинство его членов, подобно Джорджу Мюнстеру, существовало на скудную военную пенсию. Однако здесь был старый трехмерный телевизор, несколько дюжин пластинок с популярной музыкой, шахматы и стол для игры в карты. Джордж обычно выпивал кружку-другую пива и садился за шахматную доску с кем-нибудь из приятелей. Последнее развлечение было доступно и в обличье блобела, и в человеческом облике; клуб был местом, где любая из этих форм возражений не вызвала.

Мюнстер уселся за стол рядом с Питом Рагли, который тоже состоял в браке с блобелом, преобразованным, как и Вивиян, в земную женщину.

— Пит, я не могу больше. Всю жизнь мечтал о ребенке — и что я, наконец, получил вместо него! Комок желатина... — пожаловался Джордж приятелю.

Отхлебнув пива — в этот момент он тоже был в человеческой форме — Питер сказал:

— Крепись, дружище. Конечно, у тебя есть кое-какие неприятности, но ты должен был знать, что тебя ждет, когда женился на ней. Может быть, ваш следующий ребенок будет...

— Послушай-ка, Пит. У меня изменилось отношение к жене. В этом-то все и дело. Я думаю о ней, как о чужом существе — и о себе думаю так же. Мы оба — существа, — и осушил кружку в один глоток.

— Но с точки зрения блобела... — глубокомысленно начал Пит.

— Слушай, из чьей ты стороне, парень! — раздраженно прервал его Джордж.

— Не ори на меня, — сказал Пит, — не то я разукрашу твою физиономию.

Через мгновение они с яростью вцепились друг в друга. К счастью, Пит вовремя превратился в блобела, так что обошлось без тяжелых телесных повреждений. Теперь Джордж сидел в одиночестве, дружок куда-то утек, вероятно, присоединился к группе, на данный момент представлявшей блобелов.

«Может быть, мы могли бы создать новое общество на какой-нибудь отдаленной луне, — подумал Джордж про себя. — Общество, не имеющее отношения ни к блобелам, ни к Земле!»

Вернусь-ка я обратно к Вивиян, — неожиданно решил он. — Что я еще имею в этом мире? Мне повезло, что я нашел ее. Кто бы я был без нее! Изувеченный ветеран войны, который наливается пивом здесь, в клубе, каждый проклятый день, каждую проклятую ночь, без будущего, без надежды, без настоящей жизни...

Вскоре Мюнстер нашел новый способ добывания денег. Это был некий домашний бизнес, связанный с пересылкой товара по почте. Для начала он поместил в суб-

ботнем приложении к «Ивнинг пост» следующее объявление:

«МАГИЧЕСКИЕ КАМНИ, ПРИНОСЯЩИЕ УДАЧУ! ДОСТАВЛЕНЫ ИЗ ДРУГОЙ ЗВЕЗДНОЙ СИСТЕМЫ! ВСЕГО ПОЛТОРА ДОЛЛАРА ЗА ШТУКУ!»

Эти камни были привезены блобелами с Проксимы и теперь производились на Титане. С помощью Вивиян ему удалось наладить коммерческие связи с ее соотечественниками. Но все старания новоявленного коммерсанта пропали даром: очень немного нашлось легковых, желающих купить удачу за столь смехотворную сумму. «Я снова банкрот», — сказал себе Джордж.

К СЧАСТЬЮ, следующий ребенок оказался гибридом. Половину времени он находился в человеческой форме, и вот так Джордж обрел дитя, которое принадлежало — хотя бы иногда — к его собственному расе.

Он все еще пребывал в упоении от рождения сына, когда целая депутация соседей по блоку КЕК-604 вломилась в двери его квартиры.

— Мы хотим просить вас... — промямлил один из непрошенных гостей, шаркая ногами от смущения, — вас и миссис Мюнстер... Переехать из нашего блока.

— Но почему! — спросил Джордж в замешательстве. — Мы живем тут два года, и до сих пор никто против этого не возражал.

— Но теперь у вас появился малыш — гибрид, и он захочет играть с нашими детьми, а нам не хотелось бы...

Джордж плюнул на порог и захлопнул дверь перед их смущенными лицами. «С ума сойти, — подумал он, — ведь я сражался на войне, чтобы спасти этих людей! И где уверенность, что не станет еще хуже!»

Часом позже он сидел в клубе, пил пиво и разговаривал с одним из своих приятелей, Шерманом Даунсоном, чья жена также была блобелом.

— Все плохо, Шери, очень плохо. Нам вынуждают эмигрировать, выгоняют с Земли. Может быть, нам придется перебраться на Титан, в тот мир, откуда Вив родом.

— Чепуха, — запротестовал Шерман. — Не люблю, когда ты лезешь в бутылку, Джордж. Разве твои дела с электромагнитными поясами идут плохо!

В течение нескольких последних месяцев Джордж делал и продавал электронное приспособление, уменьшающее вес, которое Вивиян помогла ему разработать. Подобный прибор был очень популярен на Титане, но совершенно неизвестен на Земле. Вроде дело шло хорошо, Джордж имел больше заказов, чем мог выполнить.

— Со мной произошел ужасный случай, — прошептал он на ухо Шерману. — Вчера я был в аптеке — они дали мне большой заказ на пояса, и я так разволновался... Ну, ты можешь представить, что случилось. Я преобразился — прямо на глазах десятков покупателей. И когда владелец аптеки увидел это, он тут же аннулировал заявку. Со мной

ЗДЕСЬ ВОДЯТСЯ МЕРЗКИЕ РЕКАЛОГИ. НУЖНО БЫТЬ ОЧЕНЬ ВНИМАТЕЛЬНЫМИ. ЕСЛИ ОНИ НАПАДУТ ВНЕ ЗАПНО, ТО ПОТЕРЯЕМ МНОГО РАБОВ.

МЕРЗКИЕ РЕКАЛОГИ. РЕЧНЫЕ ВАМПИРЫ.

случилось то, чего мы все боимся. Видишь, как их презрение буквально загоняет меня в проклятое тело блобела.

— Найми помощника, чтобы вести торговые дела, — сказал Шерман, — чистокровного землянина.

— Я сам — чистокровный землянин, — угрожающе сказал Джордж, — не забывай этого.

— Я только имел в виду...

— Я знаю, что ты имел в виду, — заявил Джордж, размахиваясь. К счастью, он промахнулся, и оба противника от возбуждения перешли в форму блобелов. Они пытались продолжать драку в этом состоянии и сплелись в клубок, который их приятели-ветераны распутали с большим трудом.

В облике блобела Джордж не мог добраться домой, ему пришлось звонить Вивинан и просить заехать за ним. Это было унижительно.

Самоубийство, решил он. Вот единственный выход.

Но как лучше покончить счеты с жизнью? В форме блобела он не ощущал боли; лучше проделать все в привычной оболочке. Некоторые вещества способствуют росту органики... Например, опуститься в бассейн с хлорированной водой, который находился в спортивном зале, на первом этаже блока...

Вивинан нашла его только поздней ночью — в тот момент, когда он в нерешительности замер на краю бассейна.

— Джордж, прошу тебя, пойдем к доктору Джонсу, — сказала она, смахивая слезы.

— К черту, — глухо пробормотал блоб. сформировав речевой орган. — Это не поможет. Я просто не хочу продолжать жить.

Господи, да взять хоть эти дурацкие пояса; даже сама их идея принадлежала Вивинан, а не ему. И здесь он был на втором месте, и здесь после нее... И с каждым днем снывались все ниже.

— Но ты нужен детям. Джордж.

Это была правда, и он немного отодвинулся от края бассейна.

— Может быть, стоит еще раз обратиться в Госпиталь ветеранов, — вслух подумал он. — Позвоним им, спросим — не появилось ли какое-нибудь средство, способное вернуть мне человеческий облик.

— Но если ты стабилизируешься в земной форме, то что же будет со мной! — спросила Вивинан.

— Мы получим восемнадцать часов в день — все время, которое ты находишься в человеческом теле!

— Но ты не захочешь остаться со мной. Найдешь себе земную женщину.

Он понял, что это было бы несправедливо по отношению к ней. И отбросил свою идею.

Вскоре у четы Мюнстеров родился третий ребенок, девочка, которая, как и сын, была гибридом. Днем она находилась в человеческой форме и, только ночью пре-

вращалась в блобела.

Тем временем Джордж нашел решение некоторых своих проблем.

Он завел себе любовницу — той же породы, что и его жена.

Он встречался с Ниной в отеле «Элизиум», ветхом деревянном здании, расположенном в самом сердце Лос-Анжелеса.

— Нина, — говорил Джордж, отхлебнув виски и садясь позади нее на облезлую софу, которую отель предлагал своим клиентам, имеющим возможность заплатить сорок долларов за ночь, — благодаря тебе я снова хочу жить.

И он принимался расстегивать пояс, облегающий ее блузку.

— Я тебя уважаю, — кокетливо склоняла голову Нина Глобман, помогая ему разобраться с расстегиванием. — Несмотря на то, что... ну, ты был прежде врагом моего народа.

— Мы не должны думать о прошлых временах и прошлых обидах, — протестовал Джордж. «Не думать ни о чем, кроме будущего», — решал он про себя.

Вообще, его дела с поясами шли настолько успешно, что уже была учреждена фирма, имеющая пятнадцать служащих, и открыта собственная небольшая фабрика в предместье Сан-Фернандо. Будь поумеренной правительственные налоги, он мог бы стать состоятельным человеком. Размышляя над этим, Джордж часто испытывал желание выяснить, как обстоит дело с налогами у блобелов.

Однажды вечером, в клубе, он обсудил данный вопрос с Рейнхольтом, мужем Нины, который, конечно, не ведал об исключительно близких отношениях, связывающих его супругу с его товарищем по шпиконажу.

— Рейнхольт, — произнес Джордж с трудом, так как одновременно прихлебывая пиво. — у меня большие планы. Но эта налоговая политика... Она душит меня. Математические Пояса Мюнстера — ведь они... Они нечто большее, чем способна персбарить земная цивилизация. Ты понимаешь!

Рейнхольт холодно сказал:

— Но ты же землянин, Джордж. Если ты эмигрируешь к блобелам, ты предашь...

— Послушай, — перебил его Джордж, — один мой ребенок — чистокровный блобел, даже — гибриды, и сейчас мы ждем четвертого. Я начинаю ощущать сильную эмоциональную связь с народом Титана.

— Ты — предатель, — заявил Рейнхольт и врезал Джорджу кулаком в челюсть. — И дело не только в этом, — продолжал он, заехав Джорджу в живот, — говоря, ты увиваешься вокруг моей жены! Я тебя прикончу!

Пытаясь убежать, Джордж принял форму блобела: теперь удары Рейнхольта не причиняли ему вреда, поскольку кулаки противника взяли в желеобразной суб-

ПЕР. С РЕКЛАМ. — КАКАЯ БОЛЬШАЯ ДОБЫЧА!

РЕКЛАМЩИКИ, КАК ВСЕГДА, НАПАЛИ ВНЕЗАПНО И В БОЛЬШОМ КОЛИЧЕСТВЕ.

станции благопреобразованного тела. Рейнхслт тоже совершил преобразование и с чудовищной энергией набросился на Джорджа, пытаясь добраться до центральной, жизненно важной части организма со светосприимчивыми точками. К счастью, приятели разняли их прежде, чем они успели нанести друг другу тяжелые повреждения.

Поздно вечером, все еще дрожа от возбуждения, Джордж сидел с Вивиан в гостиной их новой восьмикомнатной квартиры в фешенебельном блоке ЭГФ-900. Он ждал звонка, понимая, что Рейнхслт рано или поздно все расскажет Вив. Это был только вопрос времени. Их брак, как предвидел Джордж, распадется. Возможно, сейчас он проводит последние часы рядом с Вивиан.

— Вив, — супруг старался говорить убедительно, — ты должна верить мне, — я люблю только тебя. Ты и дети — ну и мой бизнес, конечно, — все, что у меня есть в жизни. — И, сделав паузу, вдруг застрекотал отчаянной решимостью. — Давай эмигрируем, немедленно, этой же ночью. Возьмем детей и отправимся на Титан.

— Я не могу, — печально ответила Вивиан. — Я представляю, как мой народ будет обращаться со мной, с тобой и с нашими детьми. Джордж, уезжай один и переведи свою фабрику. Я останусь здесь. — Ее прекрасные темные глаза наполнились слезами.

— К дьяволу! — крикнул Джордж. — Что за жизнь нас ждет! Ты — на земле, я — там, и это значит, что нашей семьи больше нет. Что же будет с детьми!

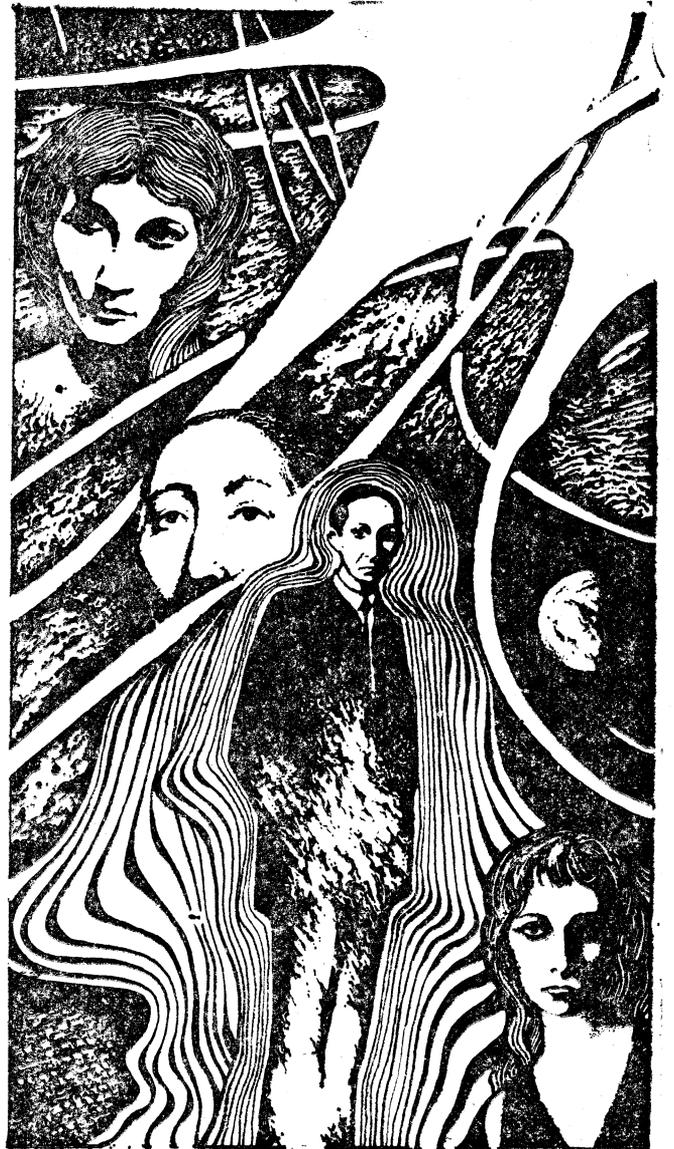
В запальчивости неверный муж, конечно, кривил душой, он прекрасно понимал, что никакие законы их, конечно, не разлучат с Вив. И даже наоборот. А вот насчет наоборот у него в фирме есть юридический шестерка, уж он-то из кож вылезет, пошевели мотр лишь пальцем.

На следующее утро Вивиан узнала о Нине. Она тут же сама обратилась к адвокату.

СЛУШАЙТЕ внимательно, — инструктировал по телефону Джордж своего юриста, Генри Ромера, — добейтесь, чтобы под мою опеку отдали четвертого ребенка, которого ждет Вивиан, — по прогнозу врачей, он будет полностью землянином. Двух гибридов мы можем поделить — я возьму сына, а она — дочь. И, естественно, ей останется блэб, это первый, так называемый ребенок. Вот уж от кого я избавлюсь с радостью!

В течение ближайших недель идея о перебазировании производства на Титан представлялась все более соблазнительной — умело проведенная операция сулила поистине золотые горы.

— Ищи землю и старайся купить ее подешевле, — наставлял Джордж своего торгового агента Тома Хендрикса. Затем взялся наставлять секретаршу, мисс Нолан (из блэбов). — Держите всех подальше от дверей моего кабинета. Эти хлопоты с переездом... они слишком возбуждают меня.

**ВСПЫХНУЛА
СХВАТКА**

— Да, мистер Мюнстер, — кивнула секретарша, выпракивая Хендрикса, — никто не побеспокоит вас. — Она привыкла держать оборону в приемной, когда Джордж превращался в блобела, что происходило в последнее время гораздо чаще.

Когда через несколько часов Джордж вернулся в человеческую оболочку, мисс Нолан доложила, что звонил доктор Джонс.

— Будь я проклят! — воскликнул Джордж, мысленно возвращаясь на шесть лет назад. — Я думал, что его давно сдали в утиль. — Он повернулся к мисс Нолан и сказал. — Соедините меня с доктором.

Вскоре мисс Нолан сообщила, что доктор Джонс на линии.

— Доктор, рад слышать вас, — промолвил Джордж, небрежно покачиваясь на ножках стула.

В трубке раздался голос психоаналитика:

— Я заметил, мистер Мюнстер, что вы теперь имеете секретаря,

— Да, — сказал Джордж, — мои дела изменились к лучшему. Я, знаете ли, занимаюсь магнитными поясами; довольно выгодная штука. Ну, доктор, так что же я могу для вас сделать!

— Я слышал, что у вас теперь четверо детей...

— На самом деле трое, но вскоре ожидается и четвертый. Послушайте, доктор, этот четвертый будет чистокровным землянином, и, видит бог, я сделаю все, чтобы он остался со мной, — он замолчал на мгновение и потом добавил. — А мне удалось заполучить несколько отличных врачей; они уверяют, что могут стабилизировать меня. Я устал от этих постоянных преобразований, днем и ночью; я слишком много стою теперь, чтобы служить помещицам.

— Из ваших слов я заключаю, что вы теперь — солидный деловой человек, мистер Мюнстер, — сказал доктор Джонс. — Вы сильно преуспели с тех пор, как мы виделись в последний раз.

— Давайте поближе к вашему делу, доктор, — нетерпеливо произнес Джордж.

— Я думаю, что... ну... я мог бы помочь вам и Вивван сохранить семью.

— Ха! — сказал Джордж презрительно. — Вернуться к этой женщине! Никогда! Слушайте, доктор, мне пора кончать. Моя фирма ведет сейчас весьма сложные деловые операции, и я...

— Мистер Мюнстер, — спросил доктор, — тут замешана другая женщина!

— Здесь замешан другой блобел, если вы это имеете ввиду, — резко сказал Джордж и бросил трубку. «Два блобела все же лучше, чем никто», — подумал он и вернулся к делам. Он нажал кнопку на крышке стола, и через мгновение мисс Нолан заглянула в дверь кабинета.

— Мисс Нолан, — велел он, — разыщите мне Генри Ромеро. Я хочу...

— Простите, сэр, мистер Ромеро уже ждет у телефона. Он просил передать, что это срочно.

Подняв трубку, Джордж сказал:

— В чем дело, Генри!

— Я только что выяснил, — сообщил юридический шестерка, — что для обоснования предприятия на Титане вы должны быть его гражданином.

— Что ж, это легко устроить.

— Но чтобы стать гражданином Титана, — Ромеро разволновался, — вы... вы должны быть блобелом!

— Черт побери, я и есть блобел! — вскричал

Джордж. — По крайней мере, частично. Этого что, недостаточно!

— Нет, — отметил Ромеро. — К сожалению, вы должны стать блобелом полностью, на все сто процентов. Помните! Вы должны быть блобелом и днем, и ночью!

— Гммм — протянул Джордж, — это плохо. Но мы что-нибудь придумаем. Послушайте, я должен проконсультироваться с Эдом Фулбрайтом, моим врачом. — Мюнстер положил трубку и некоторое время сидел в раздумье, нахмурившись и потирая подбородок. Ну что ж, — решил он, — так тому и быть. Нужно считаться с объективными факторами, но они не должны тормозить решение главной задачи.

Затем распорядился, чтобы секретарша связалась с Эдом Фулбрайтом.

ДВАДЦАТИДОЛЛАРОВАЯ платиновая монета, скатилась в щель, загнув цепь. Доктор Джонс поднял голову и увидел взволнованную молодую женщину; грудь ее бурно вздымалась. Порывшись в электронной памяти, доктор узнал миссис Мюнстер, бывшую Вивван Эрсайт.

— Добрый день, Вивван, — сердечно сказал доктор Джонс, поднялся на ноги и предложил ей кресло.

Приложив платочек к своим красивым темным глазам, Вивван прошептала сквозь слезы:

— Доктор, все рухнуло... Мой муж нашел другую женщину... Ее зовут Нина... и все ребята в клубе ветеранов только и говорят, что о ней и о Джордже... Наверное, она — настоящая земная женщина... Мы подали на развод. И нас ожидает целое юридическое сражение из-за детей. Я ведь жду теперь четвертого, — она осторожно поправила полы своего пальто.

— Я знаю, — кивнул доктор Джонс. — Ожидается, что он будет чистокровным землянином; но я думаю, что только после вашего разрешения от бремени это будет точно известно.

— Я оставила Землю, жила на Титане, консультировалась у юристов и врачей, — причитала Вивван, жалобно всхлипывая, — особенно у адвокатов по супружеским делам... Мне надавали множество советов... И вот я снова на Земле, но не могу увидеться с Джорждем, — теперь уехал он.

— Хотел бы я помочь вам, Вивриан, — доктор Джонс издал нечто похожее на вздох сожаления. — У меня состоялась краткая беседа с вашим мужем, видимо, после того, как вы отправились на Титан, — но он отделивался общими фразами. Больше я не смог связаться с ним; теперь он такой большой босс, что подступиться к нему неимоверно сложно.

— Ирония судьбы, — философски заметил доктор Джонс. — Но теперь, если вы хотите сохранить мужа, вы должны...

— Я хочу сохранить его, доктор Джонс. Я прошла на Титане специальный курс лечения... основанный на самых последних достижениях медицины... только потому, что я люблю Джорджа... даже больше, чем свой народ и свою планету...

— И! — поднял брови доктор Джонс.

— И теперь остаюсь в человеческой форме все двадцать четыре часа в сутки — вместо восемнадцати. Я стабилизировалась... я стала настоящей земной женщиной. Я пожертвовала своим естественным обликом, чтобы удержать Джорджа.

— Величайшая жертва, — сказал доктор Джонс, почтительно склоняя голову.

— Если бы я только могла найти Джорджа, доктор...

ДЖОРДЖ Мюнстер, гражданин Титана, вступал во владение своим огромным земельным участком. Во время торжественной церемонии он медленно перетек к лопате, ухватил ее своими щупальцами и ухитрился выковырять символический комоч грунта.

— Это великий день, — глухо прогудел он, сформировав подобие речевого органа из гибкой, эластичной субстанции, составляющей его одноклеточное тело.

— Вы правы, Джордж, — подтвердил Генри Ромеро, который стоял рядом с пачкой документов в руках.

Представитель планеты, большой, прозрачный глоб, отличный от Джорджа, скользнул к Ромеро, взял документы и невяжко пробубнил:

— Эти бумаги будут переданы моему правительству. Я уверен, что в них все в порядке, мистер Ромеро.

— Вы можете не сомневаться, — ответил Ромеро чиновнику. — Мистер Мюнстер уже никогда не обретет человеческого облик. Его стабилизировали в форме глобела, применив самые последние достижения медицины. Он не обманет вашего доверия.

Большой глоб, который был раньше Джорджем Мюнстером, повернулся к толпе местных глобелов.

— Мы переживаем исторический момент, — излучил он в их сторону беззвучную мысль, — который обеспечит повышение жизненного уровня всем гражданам Титана, привлеченным к деятельности компании «Магические Магнитные Пояса Мюнстера». Я уверен, что эта деятельность принесет процветание нашей планете, а также гордое чувство удовлетворения, что вырабатываемая моей компанией продукция является достижением национальной науки и техники.

В ответ глобелы дружно излучили мысль, эквивалентную земным аплодисментам.

— Это самый великий день в моей жизни, — проинформировал присутствующих Джордж Мюнстер, постепенно стекая к своей машине, где его ждал шофер, готовый доставить хозяина в его постоянно резиденцию в лучшем отеле Титан-сити.

В один прекрасный день он станет владельцем отеля, он начнет вкладывать доходы от своего дела в местную недвижимость. Это будет патриотично и выгодно, а главное — возвысит его в мнении обитателей Титана и всех глобелов Солнечной системы.

— Наконец-то я стал вполне счастливым человеком, — мысленно излучил Джордж Мюнстер для тех, кто находился достаточно близко, чтобы уловить телепатированное им.

Под бурные аплодисменты присутствующих он протек по наклонному пандусу и плюхнулся внутрь своего роскошного лимузина, изготовленного на Титане.

Пер. М. НАХМАНСОНА.

● СЕМЬ ЧУДЕС СВЕТА

В редакцию «ПиФа» приходят письма с просьбой рассказать о знаменитых «семи чудесах света», которые со времен глубокой древности поражали воображение человека. С удовольствием выполняем ее.

Традиция выделять семь произведений архитектуры и искусства, не имеющих себе равных благодаря величественным размерам, гармоничности форм, красоте и неповторимому колориту, существует с II века до н. э. В выражении «чудо света» само по себе уже заклю-

чается понятие чего-то сверхъестественного, волшебного, не поддающегося простому пониманию.

Древнейший перечень «семи чудес света» называет стены Вавилона, статую Зевса в городе Олимпии, сделанную великим греческим скульптором Фидием, грандиозные «висячие сады», сооружение которых приписывается царице Семiramиде, монументальную статую бога Солнца Гелиоса на острове Родос (Колосс Родосский), египетские пирамиды, мавзолей в городе Галикарнасе и храм

греческой богини охоты Артемиды в Эфесе. Позднее к «чудесам света» причисляли маяк на острове Фарос, вблизи Александрии Египетской; скульптуру богини мудрости Афины на афинском Акрополе; некоторые римские постройки (Капитолий, Колизей); византийские архитектурные сооружения (храм св. Софии в Константинополе); «чудесами света» считались также упоминаемый в Библии Ноев Ковчег и храм полулегендарного царя Соломона в Иерусалиме.

ПОСЛЕ НЕСКОЛЬКИХ ДНЕЙ, ПРОШЕДШИХ ВПОЛНЕ БЛАГОПОЛУЧНО, СЕРГЕЙ ДОБРАЛСЯ ДО ГОРНОГО ПЛАТО, ГДЕ НАХОДИТСЯ ГОРОД «БОГОВ».

КАК ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ВЫСОКО!

МЫСЛИ О ТОМ, КАК ВЗОБРАТЬСЯ ПО ОТВЕСНЫМ СКАЛАМ, НЕ ДАВАЛИ СПАТЬ.

ДОБЫЧА

Михаил КАГАРЛИЦКИЙ

Можно взбираться быстрее, но при этом много теряешь. Нет того удовольствия, испытывая которое, я сладостно прикрываю глаза. Нежные лучи солнца, теплый ветерок приводят в состояние блаженства, ощущаемое полностью лишь на высоте восьми метров от поверхности.

Я долго искал себе дерево по вкусу: в меру сухое, с твердым широким стволом, обтянутое гибкими прочными лианами. Три года назад такое нашлось. И с тех пор я пребываю на нем. Иногда спускаюсь к самой земле, чтобы сорвать с десятка сочных травинок, а в основном лежу на суку, размышляя о всякой всячине. Наблюдать издали или всматриваться с двух шагов — результат один и тот же: обнаружить меня практически невозможно. Всего за два часа самый бездарный пятнистый лемуру способен выработать цветные пигменты, гармонирующие с окружающим фоном. Меня никто не видит, да и я, при своей близорукости, с трудом различаю предметы. Так спокойнее. Природа знает, что делает.

Несколько раз в месяц я слезаю вниз по лианам, проверяя работу вестибулярного аппарата. Ничего, пока нормально. Самое опасное для нас — потерять чувство высоты. Когда оно начинает припулять, любой здравый лемуру понимает: наступает конец цикла. Пора искать энергоноситель. Но переход из цикла в цикл не совсем приятен, а для некоторых из нашей братии довольно болезненен (чем выше интеллект, тем капризнее натура), вот мы и стараемся оттянуть его до последней минуты. Многие, но не я. Едва на горизонте замаячит конец цикла — я храбро бросаюсь ему навстречу. Так проще и мудрее. Можно тщательно сделать свой выбор, чтобы не гоняться потом за каким-нибудь случайным экземпляром.

Но не будем о сложностях бытия. Можно поразмышлять о чем-то более приятном. Скажем, каким на вкус окажется плод, к которому я подбираюсь сейчас с такой осторожностью. Пять дней назад он был еще в самом начале созревания, но за это время акусный сок уже начал наверняка просачиваться сквозь кожуру. Я не спешу — и нет большого наслаждения, чем постепенное продвижение к цели.

Вот и ветка. Я вытягиваю свое длинное, массивное тело, хватаю лапой лиану и понемногу раскачиваюсь. Простейший арифметический расчет — и плод окажется у меня во рту. Только надо как следует прицелиться, а то Криволапый, как-то промахнувшись, цапнул за крыло пролетавшую мимо птицу, целую неделю в лесу только и было болтовни, что лемуры перешли на плотоядный рацион. Разве мы хищники? Да если по стволу ползет гусеница, я лучше свергнусь с дерева сам, но не позволю себе ее раздавить. У меня всегда вызывают жалость слабые и беспомощные создания.

Ну вот. Добрался. Стоит немного полюбоваться на лакомое дитящее леса, покачивающееся над головой. Небольшое расслабление организма. Медленно, про себя повторяю: «Я один. Я чувствую окружающий мир. Я качаюсь на лиане. Я забыл обо всем густом и никчемном. Я вижу перед собой сладостный плод. Я чувствую ароматный запах, проникающий в ноздри. Я люблю его. Си связан со мной. И через мою любовь к плоду я связан со всем великим миром».

Состояние пришло. Я вновь чувствую, что малое смыкается с великим, а я — сам по себе — с чем-то неизмеримо далеким... Двуногие называют этот процесс медитацией. Но у нас все намного сложнее...

Пора! Толчок! Странно, неужели про-

глотил? Нет, никаких ощущений. Ага. Он висит как ни в чем не бывало. Что ж, промашка разрешается. Попробуем-ка второй раз. Сейчас ошибки быть не должно. Толчок!

Плод, сбитый с ветки, летит на землю. Там, внизу, он теряет для меня свои привлекательные свойства. Я снова промахнулся. Это уже плохо. И означает только одно: конец цикла. Можно уговорить себя, посетовать на нелепую случайность, на прогрессирующую близорукость, но система обоняния — первейший критерий. Все ясно: настало время охоты.

Я медленно поднимаюсь на вершину дерева и втягиваю в ноздри гамму доступных мне запахов. Ничего. Обождем. Не следует суетиться. Все-таки самому таинственному и непостижимому существу на планете следует сохранять определенную степень достоинства. Странные пятнистые лемуры. По крайней мере, так считают двуногие. И, если разобраться, у них есть основания для этого. Взять хотя бы цикл жизни. Двуногие так и не поняли, как пятнистые размножаются. Инстинкт размножения и половые структуры присущи особям с определенным биологическим циклом и естественным финалом. А мы практически бессмертны... И если в конце 3-й эры мы были с двуногими примерно на одной ступени развития, то дальше... Бессмертны. Но разве они способны осознать это? При такой элементарной конструкции головного мозга? А все ошибочный шаг двуногих в сторону механического продолжения. Стоило ли ради двадцати тысяч примитивнейших штукovin сползть с дерева и становиться на задние лапы, демонстрируя окружающим собственную неполноценность?

Я не питаю к ним иных чувств, кроме жалости. Гордость, важность, чуждость, жестокость не в состоянии скрыть

ничтожность их рода, изменившего своим природным законам. И пусть они опускаются в воду и взлетают в небеса, пусть возводят бетонные коробки и стеклянные кубы, уродуя места обитания, им никогда не выйти на уровень истинной цивилизации. Цивилизации Разума. И они, как ни странно, чувствуют это. Видимо, что-то все же сохранилось с тех далеких времен...

Но! Внимание. Полная концентрация внимания! Запах Томный, тошнотворный до прихоти, пробирающий все тело, противный запах с восточного направления. Следовательно, там появились двуногие. Между нами около сотни вершущих деревья. Но торопиться не надо, двуногие могут и подождать. Еще неизвестно, подойдут ли они мне, ведь у пятнистого лемура, осуществившего сорок циклов, весьма придирчивый вкус и большие претензии.

Как быстро промелькнул очередной цикл! Действительно, чем дольше живешь, тем стремительнее скорость прохождения. И наступает свойственная нам пауза. Период возобновления. Кто и когда сделал это изумительное открытие — неизвестно. Возможно, целый клан пятнистых лемуров из поколения в поколение (во времена естественного ухода) теоретически рассматривал идею возрождения, пока не пришло о з а р е н и е. К тому же нам повезло с поиском энергоносителей. Но, все по порядку.

У двуногих издавна существует обычай, видимо, связанный с их ущербным самосознанием, украшать жилища шкурами существ ниже себя по разряду. Ниже, естественно, по мнению двуногих. Вот тот случай, когда порочные привычки одних могут принести существенную пользу другим. Мы использовали искривление этики двуногих и предложили себя. Все сравнительно просто. Двуногие забираются в лес, охотятся на лемуров и усиливают нас с помощью тряпки, вымоченной в специальном растворе. Мы концентрируем свой потенциал и переходим в консервированное состояние. Наша суть затаявается в глубинах головного мозга. Двуногие привозят наши тела в бетонные города, потрошат (никаких ощущений) и создают так на-

зываемые шкуры. Голова, разумеется, остается в неприкосновенности. Попробуй хоть кто-нибудь дотронуться до нее — его постигнет такое... Но не стоит о грустном. После дезинфекции (ну и брезгливы эти двуногие) — на радость домохозякам и на зависть недалеких соседей — шкура укладывается на пол в гостиной или в комнате видеоканала, большой разницы здесь нет. Иногда, правда, нас вешают на стену. Заставляем снять. Убеждаем методом принуждения: головные боли, отвращение, навязчивый страх — и шкура оказывается на полу. Так легче работать с двуногими.

Затем следует выбор энергоносителя. Обычно предпочтение отдается самому добытчику. В редких случаях членам его семьи. Некоторые из нас, наименее гуманные, паразитируют и на детенышах двуногих. Но мы в целом решительно осуждаем подобную практику. Надо заботиться о человеческой популяции, ведь так можно остаться без энергоносителей.

Процесс биологической подкормки происходит постепенно. Двуногие ничего не замечают. Конечно, при желании, все это можно осуществить в несколько дней, но двуногие способны к простейшим формам анализа и умеют сопоставлять некоторые факты. Приходится растягивать прием биотоков на длительный период. Как все это происходит в практическом воплощении, я не могу объяснить. Просто не знаю. Скажем, если спросить у двуногих, по какому принципу работают их турбоклиновые термостанции, только один или двое из десяти смогут объяснить пять основных законов турбоклиновой механики, а ее плодами исправно пользуется вся популяция. То же самое и у нас. Механизм, отработанный в течение веков, давно стал основной частью нашего бытия, и мы пользуемся им чисто автоматически.

Энергоноситель постепенно иссякает. Болезни, тотальное старение, разрушение тканей. Важно не доводить до крайности. Мудрый лемур всегда успевает определить момент достаточности собственного потенциала, необходимого для очередного цикла, и не заинтересован

в гибели энергоносителя. Двуногие не должны связывать уход своих сородичей с нашим пребыванием в их жилищах. После небольшой паузы шкура начинает испускать отвратительные запахи. «Как быстро гниют лемуры!» — морщатся двуногие. Шкуры выбрасываются на свалки, а там дородные мусорщики закапывают нас в землю, дабы вонь не портила биосферу окрестий. Были попытки жечь шкуры, но при этом выделялся столь ядовитый пар (пятнистым лемурам подаваемо много), что любой двуногий тут же менял свое решение.

Какое-то время фаза возобновления нашего организма протекает в земле: усиленно наращивается плоть, начинает работать артериальная система. И вот как-нибудь поздней ночью из земли вылезает возрожденный лемур и поползет в сторону леса. Продолжать существование великой расы властелинов планеты.

Я подобрался к поляне. Вон, на широком пне, сидят двое добытчиков. Тот, который справа, мне определенно подходит. Мощные плечи, упругая спина, гордо посаженная голова. Тело так и дышит силой и здоровьем. То, что надо. Я неслышно спускаюсь по лиане и подползаю к будущему энергоносителю. Он замер от неожиданности и напряжения. Второй показывает ему жестом, что добыча рядом.

Я приближаюсь вплотную и кладу свои толстые лапы на плечи своему избраннику. Его приятель вытаскивает из кармана тряпицу, и в мои ноздри бьет струя резко пахнущей жидкости.

— Тебе повезло, — говорит второй добытчик, — отличный экземпляр. Будет чем похвастаться дома.

— Точно! — дрожит от возбуждения будущий энергоноситель. — Крутая особь попалась.

«Это еще неизвестно, кто кому попался», — думаю я, проваливаясь в долгий глубокий сон.

«ФАНТАСТИЧЕСКИЕ» ПРЕМИИ

Вениамин КАП

Одной из главных целей «ПДФа» является ознакомление читателей с наиболее интересными произведениями отечественных и зарубежных авторов, написанными в жанре фантастики и детектива. Нашу задачу, однако, нельзя считать выполненной, если дело ограничится одной лишь публикацией подобного рода произведений. Со временем мы постараемся давать более подробную информацию об авторах печатаемых в «ПДФе» повестей и рассказов, о других произведениях этих писателей. Думает-

ся, любителям остросюжетной литературы будет интересно узнать, насколько популярны за рубежом те произведения, чьи переводы выходят в нашем издании, как реагировал читатель на их появление, каких призов и наград они удостоены.

Кроме того, в качестве необходимого пояснения к чисто литературным материалам, мы рассчитываем привлечь и информацию, связанную с проблемами современной фантастики и детектива.

Перед вами статья ленинградского знатока и исследователя фантастики Вениамина Липмановича Капа. При определенной специфичности и даже некотором академизме она, надеемся, будет интересна всем любителям фантастики, так как посвящена практически неизвестному нашему читателю вопросу: оценке и награждению на Западе фантастических произведений, снискавших широкую читательскую признательность.

Статья публикуется с незначительными сокращениями.

Весьма трудным и без конца дебатлируемым вопросом является: «когда появилась научно-фантастическая литература?» Иногда начало научной фантастики относят вглубь веков — к «Правдивой истории» Лукиана или даже «Эпосу о Гильгамеше», иногда поближе — например, к «Микромегасу» Вольтера или «Новой Атлантиде» Ф. Бекона. Довольно широкое распространение получила точка зрения известного английского писателя и теоретика фантастики Брайана Олдисса, считающего, что первым «настоящим» научно-фантастическим произведением следует считать «Франкенштейна» М. Шелли. Много сторонников и у идеи, что все указанные произведения это только «протофантастика», а более решительные сторонники «современной» трактовки относят к протофантастам даже Жюль Верна, и начинают «настоящую» научную фантастику с Уэллса, или, вообще, считают, что научная фантастика, как жанр литературы, появилась только в XX веке.

В отличие от этой разногласицы практически бесспорным является время начала движения любителей фантастики — «фэнов». Это движение возникло в 1927 году, вскоре после того как автор, изобретатель и редактор Хьюго Гернсбак основал первый в мире журнал, посвященный исключительно научной фантастике. Гернсбак стал печатать в своем журнале письма читателей, потом эти читатели пожелали встретиться и образовали клубы любителей фантастики. Затем возникла идея собрать в 1939 году, во время Всемирной выставки в Нью-Йорке, «Всемирный съезд научных фантастов». Впоследствии съезды стали ежегодными (исключая годы войны), и это продолжается до настоящего времени (47-й съезд состоялся в

1989 году в Бостоне). Название «международный» подходило к ним вначале очень относительно. Однако, с течением времени географический спектр охватил много стран, в том числе появились столь далекие, как Австралия и Новая Зеландия. Некоторые из съездов стали проводиться за границей — сначала в Канаде, а потом в Англии, ФРГ, Австралии. Так что международный характер съездов установился. И вот, на одном из очередных съездов (11-м) было решено основать премию, относящуюся к научной фантастике. Эту премию назвали «Хьюго» — в честь Хьюго Гернсбака. Полное название: «Премия за достижения в области научной фантастики». Первая премия была вручена в 1953 году. В 1954 году премия не присуждалась. Однако, в 1955 году присуждение было возобновлено и не прерывается до настоящего времени. «Хьюго» присуждается по разным категориям произведений и за достижения в примыкающих областях. Например, в 1969 году «Хьюго» присудили Н. Армстронгу, Э. Олдрину и М. Коллину за высадку на Луну. Премии присуждались за научно-популярные произведения, за исследования по научной фантастике (библиография, история, критические работы), НФ журналам, редакторам, художникам (работающим в жанре фантастики), за драматические произведения.

В литературной части одно время царила некоторая путаница в отношении категорий, но в 70-х годах была установлена четкая классификация на четыре категории:

1. Роман — более 40 000 слов.
2. Повесть — от 17.500 до 40.000 слов.

ДОБЫВАЮЩИЙ КОМБИНАТ ФИРМЫ «THE AGE FORCE» РАСПОЛАГЛАСЯ СРЕДИ СКАЛ, ВБЛИЗИ ОЗЕРА.

ТЕПЕРЬ НУЖНО РЕАЛИЗОВАТЬ ВТОРУЮ ЧАСТЬ ПЛАНА-ПРИЗЕМЛЕНИЯ

- 3. Рассказ — от 7 500 до 17 500 слов.
- 4. Короткий рассказ — до 7 500 слов.

По каждой категории премия присуждается отдельно. Установлена процедура голосования — комитет съезда путем анкетирования определяет лучшие произведения. Рассматриваются вещи, опубликованные в предыдущем году. Пять произведений, получившие наибольшее число голосов, по каждой категории, включаются в бюллетень для окончательного голосования. Этот бюллетень рассылается участникам съезда, и после получения ответов определяется лауреат.

Премия «Хьюго» не денежная — это статуэтка в виде ракушки на специальной подставке с табличкой, на которой выгравировано имя получателя. Однако, премия чрезвычайно престижная, и произведения, отмеченные ею, издаются огромными тиражами. Первым романом, получившим «Хьюго», был «Разрушенный человек» А. Бестера (издано на русском языке в 1972 г., М.: Молодая гвардия, «Библиотека современной фантастики», т. 24, под названием «Человек Без Лица»). Среди других произведений-лауреатов — «Дело совести» Дж. Блиша, «Чужой в чужой стране» Р. Хайнлайна, «Стоя на Занзибаре» Дж. Браннера, «Левая рука тьмы» Урсулы Ле Гуин, «Сами боги» А. Азимова (издано на русском в 1976 г., М.: Мир, серия «Зарубежная фантастика») и многие другие.

Премия «Хьюго» не единственная из литературных премий по фантастике. По престижности с ней может, пожалуй, сравниться только премия «Небьюла», но рассмотрим сначала несколько менее значительных премий.

Еще до «Хьюго» в Англии была основана «Международная премия фантастики», но она просуществовала только шесть лет (с 1951 по 1957) и присуждалась только за романы.

В 1973 году было принято решение учредить премию имени Джона Кэмпбелла (1910—1971), редактора журнала «Аналог сайенс фикшн», Кэмпбелл в течение многих лет считался самым влиятельным человеком в научной фантастике, а руководимый им журнал — ведущим, Кэмпбелла считают «крестным отцом» таких известных фантастов, как Хайнлайн, Азимов, Ван Вогт, Старджон и многих других. В отличие от «Хьюго», эта премия присуждается не произведению, а молодому, подающему надежды автору. Премия присуждается ежегодно, начиная с 1973 года.

Премии имени Кэмпбелла не нужно смешивать с премией памяти Джона Кэмпбелла. Эта премия присуждается тоже с 1973 года группой писателей и критиков из американских и английских университетов за лучший роман.

Интересным призом является «Пилигрим». Этот приз присуждается «Ассоциацией исследователей научной фантастики», объединяющей преподавателей и исследователей научной фантастики. Премия присуждается ежегодно (с 1970) людям, работающим в области научной фантастики. Название премии взято из названия известного теоретического исследования «Пилигримы пространства и времени» (1947), написанного Дж. О. Бейли. Любопытно, что первую премию получил... сам Бейли. В дальнейшем премию получали многие видные ученые, в том числе советский исследователь Ю. Кагар-

лицкий (в 1972) — за исследования жизни и творчества Г. Уэллса.

Эта же ассоциация ежегодно присуждает премию «Юпитер» по тем же четырем категориям произведений, что и «Хьюго». Однако, эта премия не пользуется широкой популярностью.

Премия «Дитмар» («Австралийская премия за достижения в области научной фантастики») — присуждается ежегодно на Австралийском съезде любителей научной фантастики. Премия присуждается за романы — отдельно австралийскому автору, отдельно — иностранному. Основана в 1969 году.

Премия памяти известного автора НФ произведений Филиппа Дика (1928—1982). Присуждается с 1983 года за лучший роман, вышедший в бумажной обложке, поскольку именно так выходило большинство произведений Ф. Дика. Поскольку произведения многих «престижных» авторов первоначально издаются в твердом переплете, и только затем переиздаются массовыми тиражами в бумажных обложках, то призеры этой премии обычно отличаются от призеров других премий.

Премия имени Теодора Старджона за лучший короткий рассказ. Основана в 1987 году.

Премия Британской ассоциации научных фантастов. Основана в 1970 году. Присуждается ежегодно на Британской конференции научных фантастов за роман английского автора. Иногда присуждается дополнительная премия за произведения исследовательского характера.

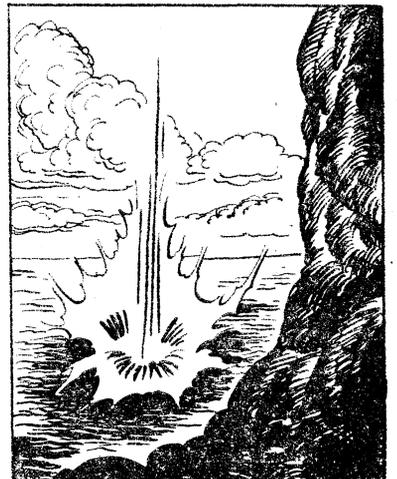
Премия имени Джеймса Блиша. Основана английским «Фондом научной фантастики» в 1977 году. Вручается раз в два года за лучшую англоязычную работу в области исследования научной фантастики.

Теперь о премии, которая по престижности может соперничать с «Хьюго». Это премия «Небьюла» («Туманность»). Дело в том, что часто сыпались упреки и раздавались голоса, указывающие на слишком «любительский» характер премии «Хьюго». Действительно, в голосовании при присуждении этой премии может участвовать любой. Никакой квалификации от голосующего не требуется. Исходя из всего этого, когда в 1965 году образовалась писательская организация «Научно-фантастические авторы Америки», которую возглавил известный фантаст Деймон Найт, казначей организации Ллойд Биггл предложил основать премию за лучшие НФ произведения, присуждаемую профессионалами. Премия получила название «Небьюла», поскольку ее модель представляла собой блестящую спираль (изображавшую спиральную туманность) в блоке прозрачного пластика.

Премия присуждается на съезде организации по четырем категориям. Поскольку в голосовании принимают участие только люди, профессионально занимающиеся научной фантастикой, то предполагалось, что «премированные» произведения будут выше по литературным качествам, чем те, которые удостоены премии «Хьюго». Однако оказалось, что большой разницы нет. Выяснилось, что те любители, которые собираются на «международные съезды», присуждающиеся премию «Хьюго», не случайные люди. Они обладают достаточным

НУ, ПРОЩАЙ, ПТАШКА! ПРИШЛО ВРЕМЯ УКОЛОТЬ ТЕБЯ, ЧТОБЫ ТЫ РАЗЖАЛА КОГОТ КИ.

литературным вкусом и, кроме того, в значительной степени руководствуются отзывами критиков и более квалифицированных читателей. Зачастую премию вообще получают одни и те же произведения, а если и нет, то произведения примерно одинаковых достоинств. Например, романы «Дюна» Ф. Херберта, «Обездоленные» У. Ле Гуин, «Сами боги» А. Азимова, «Усыпительница» Ванды Маннштайн и многие другие получили обе премии. То же относится и к другим категориям. С другой стороны, в одном и том же году «Хьюго» было присуждено роману Дж. Браннера «Стоя на Занзибаре», а «Небьюла» роману А. Паншина «Обряд перехода». Оба романа имеют свои достоинства, и трудно сказать, какой «лучше».

В целом обе премии оказались примерно равны по престижности.

На съездах писателей, присуждающих премию «Небьюла», было решено (в 1975 году) ввести специальное признание «Гроссмейстер» («Великий Мастер»). Первый приз был присужден Р. Хайнлайну. Присуждается не каждый год, впоследствии присужден Дж. Уильямсону, К. Саймаку, Лестеру дель Рею, Фрицу Лейберу и другим.

Приведенные выше премии не исчерпывают всего многообразия премий. Например, в США проводится много региональных съездов любителей фантастики, на которых тоже присуждаются премии.

В качестве дополнения приводим список произведений, удостоенных премии «Небьюла» до 1985 года.

РОМАН

- 1965 г. Фрэнк Херберт. Дюна
- 1966 г. Даниэль Киз. Цветы для Эдджернона
- Самуэль Дилейни. Вавилон-17
- 1967 г. Самуэль Дилейни. Сечение Эйштейна
- 1968 г. Алексей Паншин. Обряд перехода
- 1969 г. Урсула Ле Гуин. Левая рука тьмы
- 1970 г. Ларри Нивен. Мир-кольцо
- 1971 г. Роберт Сильверберг. Времена меняются
- 1972 г. Айзек Азимов. Сами боги *
- 1973 г. Артур Кларк. Свидание с Рамой *
- 1974 г. Урсула Ле Гуин. Обездоленные
- 1975 г. Джо Холдемэн. Бесконечная война
- 1976 г. Фредерик Пол. Больше чем человек
- 1977 г. Фредерик Пол. Переходные врата
- 1978 г. Ванда Маннштайн. Усыпительница
- 1979 г. Артур Кларк. Фонтаны рая *
- 1980 г. Грегори Бенфорд. Стержень времени
- 1981 г. Джим Вульф. Кости советника
- 1982 г. Майкл Бишоп. Никакой враг, кроме времени
- 1983 г. Дэвид Брин. Поднимается звездный прилив
- 1984 г. Уильям Гибсон. Нейремант
- 1985 г. Орсон Скотт Кард. Игры Эндера

ПОВЕСТЬ

- 1965 г. Брайн Олдисс. Слюнное дерево
- Роджер Желязны. Определяющий форму
- 1966 г. Джек Венс. Последний замок
- 1967 г. Майкл Муркок. Се человек
- 1968 г. Энн Манкафри. Всадник на драконе
- 1969 г. Харлан Эллисон. Парень и его пес
- 1970 г. Фриц Лейбер. Зло встречается в Ланкмаре
- 1971 г. Нэтрин Маклин. Пропавший человек

- 1972 г. Артур Кларк. Встреча с медузой *
- 1973 г. Джим Вульф. Смерть доктора Айленда
- 1974 г. Роберт Сильверберг. Родившийся с мертвецами
- 1975 г. Роджер Желязны. Кто пацан дома? *
- 1976 г. Джеймс Тилтри мл. Хьюстон, Хьюстон, вы слышите меня? *
- 1977 г. Спайдер и Джен Робинсон. Звездный танец
- 1978 г. Джон Варли. Постоянство зрения
- 1979 г. Барри Лонгьер. Вraga мой
- 1980 г. Сьюзи Манки Чарнас. Гобелен с единорогом
- 1981 г. Пол Андерсон. Игры Сатурна
- 1982 г. Джон Кессель. Другой сирота
- 1983 г. Грег Бир. Тяжелый бой
- 1984 г. Джон Варли. Нажим вход *
- 1985 г. Роберт Сильверберг. Плава в Византию

РАССКАЗ

- 1965 г. Роджер Желязны. Двери его лица, светильник рта
- 1966 г. Гордон Диксон. Зовите его Господия *
- 1967 г. Фриц Лейбер. Я бросаю кости
- 1968 г. Ричард Уильсон. Мать всего мира
- 1969 г. Самуэль Дилейни. Время, похожее на спираль из полудрагоценных камней
- 1970 г. Теодор Старджон. Медленная скульптура
- 1971 г. Пол Андерсон. Королева воздуха и тьмы
- 1972 г. Пол Андерсон. Песнь козла
- 1973 г. Ванда Маннштайн. О тумане, траве и песке
- 1974 г. Грегори Бенфорд и Гордон Эклинд. Если звезды — это боги
- 1975 г. Том Реми. Легконогая Сю из Сан-Диего
- 1976 г. Айзек Азимов. Духотлетний человек
- 1977 г. Джеймс Тилтри мл. Витнообразное решение
- 1978 г. Чарльз Грант. Блеск свечей, глаз единорога
- 1979 г. Джордж Мартин. Песчаные короли
- 1980 г. Ховард Уолдроп. Гадкие дышата *
- 1981 г. Майкл Бишоп. Убыстрenne
- 1982 г. Конни Уиллис. Огненная стража
- 1983 г. Грег Бир. Кровавая музыка
- 1984 г. Октавия Батлер. Дитя крови
- 1985 г. Джордж Мартин. Портреты его детей

КОРОТКИЙ РАССКАЗ

- 1965 г. Харлан Эллисон. Покаяся, Арлекин! — сказал Фараон
- 1966 г. Ричард Манкена. Секретное место *
- 1967 г. Самуэль Дилейни. Да в Гоморра
- 1968 г. Кейт Уильгельм. Планировщики
- 1969 г. Роберт Сильверберг. Пассажиры
- 1970 г. Премия не присуждена
- 1971 г. Роберт Сильверберг. Приятные новости из Ватина-на *
- 1972 г. Джоанна Расс. Когда все изменилось
- 1973 г. Джеймс Тилтри мл. Любовь это плен, плен это смерть
- 1974 г. Урсула Ле Гуин. За день до революции
- 1975 г. Фриц Лейбер. Поймай этот щепелин
- 1976 г. Чарльз Грант. Толпа теней
- 1977 г. Харлан Эллисон. Дизельфры — пять лет
- 1978 г. Эдуард Брайант. Камень
- 1979 г. Эдуард Брайант. Гиганты
- 1980 г. Клиффорд Саймак. Грот танцующего оленя *
- 1981 г. Лиза Татл. Костяная флейта
- 1982 г. Конни Уиллис. Письмо от Иры *
- 1983 г. Гарднер Дозуа. Миротворец
- 1984 г. Гарднер Дозуа. Утреннее дитя
- 1985 г. Нэнси Кресс. Из всех их ярких звезд

* Произведения, опубликованные на русском языке.

ВЕЧЕРОМ, КОГДА СЕРГЕЙ БЫЛ ПОЧТИ У ЦЕЛИ, ЕГО ОБНАРУЖИЛ ПАТРУЛЬНЫЙ ГЛАЙДЕР.

СОДЕРЖАНИЕ

Дикарь Леонид Резник	1
Вино и песок Макс Брэнд	14
Одиссей Валерий Брюсов	16
О, счастье быть блобелом Филипп К. Дик	17
Добыча Михаил Кагарлицкий	27
«Фантастические» премии Венямин Кан	29

ОБЪЯВЛЕНИЕ

СРОЧНЫЙ РЕМОНТ
И ЗАМЕНУ КИНЕСКОПОВ
ЦВЕТНЫХ ТЕЛЕВИЗОРОВ
ВАМ ОБЕСПЕЧАТ
КВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ МАСТЕРА.
ЕСЛИ ВЫ ПОЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНУ:
52-29-08

С 8.00 ДО 20.00.

ВСЕ РАБОТЫ
ПРОИЗВОДЯТСЯ НА ДОМУ
В УДОБНОЕ ДЛЯ ЗАКАЗЧИКА ВРЕМЯ.
КАЧЕСТВО ГАРАНТИРУЕТСЯ.

Издание подготовлено кооперативом «Свиток» при Средне-Уральском книжном издательстве и журнале «Уральский следопыт».

Над десятым выпуском «ПиФа» работали: И. Кузовлев, М. Пудовкин, С. Казанцев, С. Гаврилова, Л. Иокитулло, Е. Соловых, О. Нагибина, М. Козловский, О. Арижаников, Г. Ходжаев.

Ответственный за выпуск С. Мешавкин.

ПиФ. Приключения и фантастика: сб. остросюжетных рассказов. Сборник содержит приключенческие, фантастические рассказы и публицистические материалы советских и зарубежных авторов.

Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990 — 32 с.
Печать высокая. Усл. печ. л. 4,0. Уч.-изд. л. 4,42.
Зак. № 850. Тираж 110000 экз. Цена 70 коп.
Подписано к печати 12.VII.90.

НС 23829.

Средне-Уральское книжное издательство и журнал
«Уральский следопыт».
Типография изд-ва «Военный железнодорожник».

Наш адрес: ул. Декабристов, 67.

☎ 22-10-74

